

В Л А Д И М И Р
П Р А С О Л О В

КАССИКА XXI ВЕКА

**ЧЕЧЕНСКИЙ
ЭТАП**

ВОЙСГОЛ 5

Р О М А Н

УАНАУИ-У

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ВАНГОЛ»

Вангол

Владимир Прасолов

Чеченский этап. Вангол-5

«Центрполиграф»

2021

УДК 82-311.6
ББК 84(2)-44

Прасолов В. Г.

Чеченский этап. Вангол-5 / В. Г. Прасолов — «Центрполиграф»,
2021 — (Вангол)

ISBN 978-5-227-09446-9

В этой книге, следуя за героями романа «Вангол», автор раскрывает послевоенную судьбу Кольши, вернувшегося после невероятных путешествий на родные берега великой сибирской реки Енисей. Воспитанный в староверской деревне, прошедший чистилище войны, он намерен восстановить свое сожженное органами НКВД селение. В послевоенные годы Сибирь была буквально напичкана лагерями и ссылными. Именно там теперь была сконцентрирована вся боль пережившего все войны и лишения русского народа. Военнопленные японцы и немцы, итальянцы и румыны, предатели всех мастей, власовцы и бандеровцы, «лесные братья» из Прибалтики, финны, чеченцы и ингуши, репрессированные в 1944 году, мужчины и женщины, дети врагов народа – весь этот страшный людской водоворот крутился в огромном пространстве Сибири. В него и попал Кольша... О том, как он выжил и нашел себя в этой жизни, и повествует автор.

УДК 82-311.6

ББК 84(2)-44

ISBN 978-5-227-09446-9

© Прасолов В. Г., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Предисловие	6
2015 год. Донецк. Окрестности	9
Годом раньше. Небольшое селение в Сибири	10
Сибирь. 1948 год. Кольша	15
Фантазии Евграфа Семеновича. 1948 год. Ленинград	26
Кольша. Тайга	28
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Прасолов

Чеченский этап. Вангол-5

© Прасолов В.Г., текст, 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Северный ветер, во все времена года, или освежает, или пронизывает холодом до мозга костей. Он вообще не бывает расслабляюще-теплым, особенно здесь, в Сибири – крае земли, ничем не прикрытом от великого Ледовитого океана, распахнутом перед всеми его капризами, отдающем ему, как драгоценную дань, серебряные воды тысяч рек, и оттого самоочищающемся и живородящем. Суровый и чарующий своей первозданной красотой, он принимает только чистых душой и оставляет их в себе навсегда. Люди, волей или неволей попавшие в эти края, оставались в них надолго, а чаще насовсем, не в силах оторвать себя от энергии чистоты и простора, воли и безмятежного величия мира этой загадочной земли.

Так уж случилось в России, что в последнее столетие большая часть людей попадала в Сибирь не по своей воле. В возрасте двадцати лет, этапом политических заключенных, попал туда и Иван Гольшев. Те двадцать лет – срок наказания, назначенного судом, – перечеркнули ему жизнь раз и навсегда. Ту жизнь, в которой он, комсомолец, бригадир, беззаветно веря в торжество идей социализма, ударной работой выполнял и перевыполнял трудовые нормы, выдавая на-гора десятки тонн черного золота. И в которой вдруг для него не стало места... Случай спас его от верной смерти – во время побега, в тайге, а может быть, правду говорят, что случайностей не бывает. Может быть, старый охотник Такдыган по велению Духов тайги нашел в лесу замерзавшего беглого ээка. Он вернул его уходящую с этого света душу и дал ему новое имя для новой жизни. То, что он смог расслышать из уст умиравшего, прошептавшего заиндедевшими губами: «иВАН ГОЛЫШЕВ». Вангол так Вангол, согласился старик.

Орочены, немногочисленный эвенкийский род, в семью которого попал Иван Гольшев, выходили его и приняли к себе как сына. Ошана, дочь Такдыгана, отдала ему в жены свою старшую дочь, Тингу. Старый охотник Такдыган передал ему свои знания и, в святом месте силы, посвятил в тайны Духов тайги. Иван принял новое имя – Вангол и новую жизнь, ощутил в себе ранее неведомые ему способности. Он как бы просто вспоминал их...

Шли годы, Вангол набирался сил и радовал Такдыгана своими успехами. Все было хорошо, и ничего не предвещало беды. Но тот, жестокий, мир уже вторгся в этот, таежный, и от него, даже в этой глухомани, укрыться не удалось. Ванголу пришлось выйти из тайги. Встреча с людьми – научной экспедицией из Иркутска – дала ему возможность воспользоваться документами одного из участников экспедиции – Игоря Сергеева. Студент был тяжело ранен и потерял память. Вангол, теперь уже под именем Игорь Сергеев, появляется в Иркутске. По направлению, подготовленному для Сергеева, Вангол едет учиться в Москву, в Высшую школу разведки РККА. Война для него началась в спецшколе Разведуправления, куда он попал в числе лучших выпускников разведшколы. В первые же дни войны с Германией, в составе разведгруппы «Ветер», он был заброшен в прифронтовую полосу для борьбы с диверсионными группами противника. Вот там и свела его судьба второй раз со Степаном Макушевым, капитаном НКВД, бывшем начальником того конвоя, из которого он когда-то совершил побег. С Владимиром Арефьевым, лейтенантом Московского уголовного розыска, родственником Макушева. Там же он выходит на след банды уголовника Остапа, убийцы его жены и человека, завладевшего секретным архивом лагерных сексотов. Огромное по информации досье представляло большой интерес как для уголовников и советских оперативников, так и для немецкой разведки.

Преследуя по пятам через всю страну банду Остапа, Вангол и его друзья попадают в Забайкалье, в места непроходимой тайги, болот и марей. Там, на скалистом берегу безвестной реки, в пещере, куда так стремился попасть Остап, чтобы завладеть хранящемся в ней со времен Гражданской войны золотом, происходит развязка. Остап и его подручные убиты. Архив «грешных душ», найденный при Остапе, уничтожен... Вангол и его друзья вышли на стойбище

Ошаны, чтобы сообщить ей о гибели старого Такдыгана. И надо было выбираться из тайги. Шла война, здесь они выполнили свою задачу и понимали – их место там...

Возвращение из тайги оказалось непростым. Помогая раскрыть замыслы и обезвредить банду заключенных, пытавшихся совершить побег из эшелона, Вангол случайно спасает жизнь одному из них. Как оказалось, немецкому ученому, еще до начала войны участвовавшему в секретной экспедиции в нашем Заполярье. Эта экспедиция была организована и проведена, втайне от правительства СССР, немецкими спецслужбами из «Аненербе», так кратко называлось основанное в Германии в 1935 году «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков». С декабря 1941 года оно работало уже полностью под крылом СС. Гюнтер Миттель был немцем российского происхождения. Информация, полученная от него, оказалась настолько важной, что Вангол, приехав в Москву, через свое руководство добился встречи с Берией. После этой встречи, результаты которой произвели на генерального комиссара НКВД сильное впечатление, было организовано сверхсекретное подразделение, получившее название «Северный ветер».

Основной задачей этого подразделения госбезопасности было всяческое противодействие вражеской организации, работавшей под эгидой СС, – «Аненербе», в частности борьба с ее агентурой в СССР и в других уголках мира.

Вангол, пользуясь неограниченными полномочиями при формировании своего подразделения, взял в него уже воевавших в это время на фронте под Москвой капитана Макушева и лейтенанта Арефьева. Он смог освободить из-под стражи арестованных профессора Пучинского и его жену Нину. По его просьбе был разыскан среди призывников и направлен к нему в подразделение и бывший студент Пучинского Владимир Осокин. Все они составили основное ядро группы «Северный ветер» под руководством опытного разведчика Ивана Ивановича Краскова. Командиром подразделения был назначен получивший внеочередное звание капитана Вангол. Так же в группу вошла Ольга, девушка, фотография которой, случайно оказавшись в руках Вангола, неожиданно определила его дальнейшую личную жизнь. Они, втайне от руководства, сыграли свадьбу перед самым началом секретных разведопераций. Группа была направлена на проверку сведений, полученных Ванголом от Гюнтера Миттеля. В тундре удалось обнаружить следы пребывания немцев. Это еще раз доказывало, что то, о чем говорил немецкий ученый, имело место в действительности. Ольга в скором времени решением руководства была внедрена в подразделение «Аненербе», занимающееся реализацией проекта «Источник жизни». Пауль Штольц, штандартенфюрер СС, мастерски завербованный Ванголом, практически добровольно стал работать на советскую разведку. Штольц, достойный представитель немецкого дворянства, понимал всю трагичность пути, на который вывел Германию ее фюрер. Обстоятельства сложились так, что он вместе с Ольгой, уже фрау Штольц, внезапно и тайно был направлен на работу по этому секретному проекту в Новую Швабию, землю, сокрытую подо льдами Антарктиды. Через какое-то время Ольге чудом удалось передать в Центр координаты немецкой базы на побережье континента. Вангол и его группа, потеряв в бою Владимира Осокина, вернулись из тылов противника и были направлены на поиск немецкой разведгруппы, работавшей по заданию «Аненербе» на Кольском полуострове. Этот поиск привел их в лабиринты древних пещер, побывав в которых Вангол в очередной раз убедился, что он совершенно ничего не знает о том, что же такое планета Земля. Там, в этих лабиринтах, он убедился, что обитателей Земли, причем разумных обитателей, значительно больше, чем ему казалось. Там, странным образом, он получил наказ от давно умершего старого Такдыгана и, уцелев в сложных условиях, вернулся на поверхность земли.

Между тем в енисейской тайге легчиком, сбившимся с курса, случайно была обнаружена староверская деревня, живущая по своему укладу с дореволюционных времен. Это было недопустимо. Как так! Идет война, мобилизация, а в тайге сами по себе живут люди? Они что, поголовно дезертиры? А куда смотрело все эти годы партийное и советское руководство?.. Для

приведения староверов в соответствие с действительностью туда был направлен отряд НКВД под командованием бывшего начальника одного из лагерей старшего лейтенанта НКВД Сырохвата. Он выполнил свою задачу. Деревни не стало. Одним из случайно спасшихся был парнишка Кольша. Ему удалось скрыться с беглым эском по кличке Пловец, бывшим разведчиком Сергеем Лемешевым, и они добрались до фронта. Лемешев погиб, подорвав себя и фашистов в одном из домов осажденного Сталинграда. Кольша попал в плен. Вместе с группой детей, пройдя отбор, он, как носитель признаков арийской расы, был отправлен на воспитание в особый приют, в Новую Швабию.

Сырохватов, занимаясь поисками беглых эсков и дезертиров, наткнулся в забайкальской тайге на стойбище Ошаны и вышел на Игоря Сергеева, который уже несколько лет там жил, смирившись после выздоровления со своей участью. Молодая жена помогла ему обрести счастье в этом новом для него мире. Для Сырохвата и его людей он был преступником – или беглый эск, или дезертир. Сергеев при задержании был убит, а его дневник с записями о Ванголе попал к Сырохвату, который почувал, что напал на след шпиона, проникшего в ряды НКВД...

Агентурные данные советской разведки все больше свидетельствовали о том, что Германия ведет разработку какого-то очень опасного оружия. Это супероружие могло изменить ход войны, и это очень беспокоило советское командование. Но где ведутся эти работы, оставалось тайной. Получив от Ольги координаты немецкой базы в Антарктиде, сопоставив множество данных развединформации, руководство советской разведки приняло решение о направлении в эту точку разведывательно-диверсионного подразделения. Естественно, выбор пал на группу «Северный ветер» под командованием Вангола. Тем более что Краскову было известно о том, что Ольга стала женой Вангола. Это, по его мнению, было очень хорошей мотивацией для успеха группы. Задачей группы было – найти эту секретную базу немцев на ледовом континенте, понять ее назначение и, если это связано с созданием оружия, уничтожить любой ценой.

Поставленная задача группой Вангола, ценой невероятных усилий и потерь, была выполнена. Две подводные лодки Северного флота, укомплектованные лучшими экипажами и группой Вангола, совершив переход до берегов Антарктиды, вышли к точке координат, переданных Ольгой. Благодаря мужеству и мастерству экипажей одной лодке удалось пройти ледовым тоннелем и доставить разведывательно-диверсионную группу на подледную территорию Новой Швабии. Там состоялась недолгая, но очень важная встреча Вангола со своей женой. Стремительно развивавшиеся события требовали незамедлительных действий. Вангол пожертвовал своей жизнью, но остановил вероятность применения гитлеровской Германией уже готового к использованию страшного оружия, опустошившего бы на несколько десятилетий поверхность земли от людей. Идея фюрера пересидеть это время в Новой Швабии, а затем чистокровной арийской расой заселить всю, уже свободную от «недочеловеков», землю не осуществилась. Практически все члены группы Вангола погибли или были заблокированы в огромных пространствах подледной Антарктиды. Вырваться оттуда и уцелеть удалось лишь нескольким морякам и Кольше, мальчишке из староверской деревни, уничтоженной органами НКВД в годы войны в Сибири. Кольша проделал тяжелый, долгий путь, прежде чем оказался на родине. В свои неполных восемнадцать лет он прошел суровую школу войны, побывал в очень далеких от его родной земли странах. Он защищал свою родину с оружием в руках, чтобы вернуться к той земле, в которой покоились его предки. Чтобы увидеть то небо, под которым прошло его детство, и ту реку, на которой он вырос...

Северный ветер поземкой заносит едва видимые следы былого, навсегда хороня их в прошлом, очищая пространство для будущего, стремительно летящего вперед, неизвестного и манящего...

2015 год. Донецк. Окрестности

Пулеметная очередь разорвала плотную темноту южной ночи.

– Глянь, Вася, чего там?

Василий прильнул к окулярам прибора ночного видения, прошелся по ориентирам передовой линии.

– Пуляют от страха в белый свет, идиоты.

– Если б только в белый свет. Вчера слышал, миной девчонку накрыло, из школы шла...

– Надо командиру сказать, чтобы дядю Колю прислал, пусть минометчиков тех упакует.

– Чё за дядя Коля, я его не знаю?

– Пока ты домой ездил, пару раз приходил сюда дядя Коля. День, два побудет и уйдет.

– И чё?

– А ничё, стреляет как бог. Помнишь, снайпер нам досаждал, ты уехал, а мы за неделю троих похоронили, что на замену прибыли. Пацаны без опыта, так он их караулил, сука, и бил. Мы его никак не могли вычислить. Дядя Коля пришел, поспрошал, где, когда, покрутил свой ус, а на рассвете слышим – тресь, и он, красава, нарисовался. «Все, мужики, убрал я стрелка, этот больше беспокоить не будет», – сказал и, забрав свой вещмешок, ушел.

Через месяц он на соседнем участке армейских артиллеристов повыкосил. Били, пьяные, по жилым домам. Не насмерть стрелял. Он им руки калечил, чтоб после госпиталя на инвалидность, а не в строй. Короче, интересный мужик. Никто не знает, как он появился, откуда, сколь ему лет. Но оружие и экипировка у него лучшее, что я вообще видел.

– Чё, неразговорчивый?

– Вообще молчун, крепкий старик, весь белый как лунь. Я его в баньке видел случайно, на базе. Подошел поздороваться, он на меня глянул своими глазищами, признал и руку так пожал, будто каменная у него ладонь.

Очередная длинная с трассерами пулеметная очередь распорола темноту, на мгновение погасив звездное небо.

– Вась. Слышь, я тут по радио вчера слышал, певец Макаревич, знаешь такого?

– Это который «Новый поворот...», знаю, кто его не знает, а чё?

– А он за укров выступил, представляешь?

– Быть не может! Песни-то какие у него были... «Мы себе давали слово не сходить с пути прямого...»

– Скурвился он, погань, а пел красиво. Видно, бабло людей калечит похуже, чем железо. Светало, на левом фланге раздался взрыв. Мина сработала.

– Посмотри, что там?

– Уже смотрю, эти идиоты на своих же минах рвутся. Кто их на фронт отправляет таких?

Может, вдарить по ним для остраски?

– Что они делают?

– Собирались к нам в гости, да, видно, передумали, отползают...

– Ну и ладно, не будем светиться...

Годом раньше. Небольшое селение в Сибири

Лютые морозы, стоявшие почти весь январь, отступили, уступив место снегопадам и метелям. На улице было настолько бело, что при неярком еще солнышке, пробивавшемся сквозь облака, глаза все одно совсем открыть было нельзя. Щурились люди, красоту такую оглядывая, отчего морщинки от глаз лучиками рассыпались, теряясь в седых висках нестриженных голов. Николай Егорович вышел на крыльцо своего дома. Его дом, поставленный над рекой, на крутом яру, был как сторожевая башня. Далеко и вниз, и вверх по течению просматривалась с этого крыльца река. Сейчас, покрытая метровым льдом, она была единственной дорогой, по которой можно попасть в это селение. Николай Егорович всматривался в даль. Он ждал, сегодня должны были собраться его дети – четыре сына и три дочери. Все уже взрослые, вставшие на ноги, с семьями, внуками и правнуками, которых Николай Егорович не то чтобы по именам запомнить, уже и посчитать-то толком не мог. Было раннее утро, свежевывпавший ночью снег стер признаки дорожной колеи на льду, бескрайняя снежная равнина была чиста и ничем не перечеркнута. Небо очищалось от облаков, обещая небольшое похолодание. На лед с края деревни вышла группа мужиков. Они, вытянувшись цепочкой вдоль берега по течению реки, быстро стали бурить лунки, кто-то раскладывал сети. Рыбаки, сейчас сети поставят, а к вечеру протрясут, и, глядишь, все село будет вечерять со свежей рыбкой на столе. Река богата на это живое серебро, чем и покорила когда-то таежную душу Николая Егоровича. Красотой берегов своих да рыбкой, из которой Варвара Петровна, жена его, просто чудеса готовила. Она, родив семерых ребятишек, стала еще краше. Она была счастливой женой и счастливой матерью, а это, несмотря ни на что, всегда делает женщину красивой. Варвара никогда не жалела, что вышла замуж именно за этого мужчину, одного-единственного на всю ее жизнь. А жизнь их не то чтобы не баловала, нет, она преподносила им такие испытания, о которых и вспоминать-то страшно. Они и не вспоминали. Много забыли, но кое-что помнили всегда.

Зимой 1948 года они тайно уходили на севера, опасаясь преследования органов власти, которым, мягко говоря, не нравилось их желание жить по своему «уставу». Шли четвером: Николай Егорыч с женой Варварой и подростками еще Степаном и Еленой, ставшими им родными в силу обстоятельств, о которых в семье не вспоминали. У них были лошади, и на них везли все, что смогли взять из разоренной работниками НКВД деревни. Их не преследовали, но глубокая осень быстро переходила в зиму, а зима предстояла очень суровой. Самое плохое, что выпавший снег быстро скрыл землю и оставил коней без подножного корма. А овса и сена для них вообще не было. Еще немного, и кони просто пали бы от бескормицы. Спасла случайность.

В этот день похолодало, и они, после очень плохого ночлега, медленно, продираясь сквозь таежные заросли, шли дальше. К полудню вышли к какой-то таежной дороге – разбитая до невозможности, но все-таки дорога. Остановились решать, как быть дальше. Сколько еще двигаться на север, было непонятно: река Дубчес, на берегах которой были староверские селения, несла свои воды где-то там, а если конкретно, то дороги туда никто из них не знал. Решили пока идти по этой дороге, она вела на северо-восток, возможно, встретится что-нибудь, где можно будет остановиться, переждать непогоду, отдохнуть.

К обеду они услышали в отдалении шум моторов. Остановились. Степка, с собакой по кличке Арчи, быстро сходил вперед и, вернувшись, сообщил:

– Там три грузовика на дороге, один развернуло поперек, ничего с ним сделать не могут. Ни взад, ни вперед, встали, там им не развернуться – узко и обрыв.

Николай со Степкой вместе пошли туда и вскоре увидели, как шоферы и их начальник пытаются тросами выправить застрявший грузовик. Но мокрый снег и подъем не давали возможности вытянуть его назад, а вперед, под уклон, вытягивать можно было, только объехав

застрявший грузовик, что сделать невозможно. Когда Николай подошел, водители, забравшись в кабину одного грузовика, курили, согревая замерзшие от мокрого холодного железа руки. Их старший, как потом оказалось, нервно прохаживаясь туда-обратно около застрявшей машины, курил. Вероятно, он не знал, что уже и делать в такой ситуации.

Николай подошел ближе, и старший его наконец заметил. Он поднял на него взгляд, и Николай увидел чисто грузинское лицо начальника снабжения района Григория Ильича Симношвили.

– О! А это откуда вы такие? – удивленно спросил он.

– Из тайги, дядя, вижу, попали вы крепко, помощь не нужна? – ответил вопросом Николай.

Начальник посмотрел на молодого бородатого парня и подростка.

– А вы сможете помочь?

– А почему не помочь добрым людям, – ответил Николай.

Тем временем из кабины, увидев пришедших, вылезли шоферы и подошли к ним.

– У нас лошади есть, – сообщил Николай, – если вперед пройдем, то связкой, под гору, грузовик ваш они, думаю, легко развернут.

– Давай, дарагой! – только и сказал под одобрительные возгласы шоферов Симношвили.

Так и сделали. Через час грузовики уже стояли ровной колонной на дороге, готовые продолжить свой путь. А Григорий Ильич, увидев всю группу староверов, их поклажу на лошадях, усталые и настороженные лица, все понял и спросил у Николая:

– Можешь мне ничего не говорить, парень, чем я могу вам помочь?

– Лошадей кормить нечем, еще три-четыре дня – и они падут. На одной хвое и мхе больше не протянут, а овса нет. Забери у нас животину эту, жаль, ежели издохнут.

– А вы-то как? Далеко идти вам? Может, с нами в поселок, тут тридцать километров всего, и я вас пристрою, помогу, поверьте.

– Верю я вам, но не можем мы себя власти казать, никак не можем. Вера не позволяет, бежим мы от бесовщины подале. Лошадей заберите, они к нам в тайге прибились, и езжайте, а мы пойдем, может, зимовье какое найдем, перезимуем, нам это привычно. Припасов хватит.

– Есть, есть здесь недалеко старый скит, жили там ваши монахи, староверы, но уже лет пять, как его покинули, ушли, а скит-то цел, я по осени здесь рябчиков бил, набрел случайно. Там река изгиб делает...

Григорий Ильич тогда подробно рассказал Николаю, как пройти к тому скиту, даже подвез их на машинах до места, где от дороги ближе было до него добраться. Мало того, Симношвили, подумав, сказал, чтобы они на лошадях добрались до скита, разгрузились, а уже потом привели их к дороге, он дождется. До позднего вечера добирались до скита, разгрузили поклажу, и к утру Николай и Степка привели лошадей к дороге. Симношвили ждал.

– Так, мужики, мы этих лошадей у поселка на дороге нашли, откуда они туда вышли, знать не знаем, и людей этих мы тоже не видели, ясно? – сказал он своим шоферам.

– Ясно, Ильич, ты же знаешь, среди нас стукачей нет, – ответил один из них.

– Знаю, так не ляпните где случайно.

– Заметано, начальник, даже не думай, – услышал он ответ.

Два года жил Николай со своими людьми в староверческом скиту. Единственный человек из покинутого ими мира, Симношвили, иногда заглядывал к ним, привозил самое необходимое. Особенно когда Варвара принесла первенца. В благодарность за дружбу и помощь, его и назвали Григорием в честь Григория Ильича, по сути спасшего их той жестокой зимой. Буквально на следующий день после прихода в скит ударили морозы, к которым они в походных условиях не были готовы. Николай со Степкой быстро освоились в новом месте, уже первой зимой добыли почти полсотни соболей. Григорий Ильич помог с их продажей, привез два хороших ружья и припасы к ним. Он же предупредил через год о том, что весной на эту речку,

где стоит скит, придут геологоразведчики и, скорее всего, здесь начнется добыча золота. А это означало, что надо уходить. Но к тому времени Николай уже знал, куда нужно идти; более того, они со Степаном предварительно сходили в селение и договорились со старостой о своем приезде. С тех пор они потеряли связь с Григорием Ильичом Симношвили, но всегда помнили этого веселого, жизнерадостного грузина, чье имя носил такой же веселый мальчишка, их старший сын.

Сейчас Николай вглядывался в заснеженную даль реки, ожидая его приезда. Григорий, единственный из сыновей, жил в миру, он остался после срочной службы на сверхрочную, а потом поступил в военное училище и стал офицером десантных войск. Отец не осуждал сына за сделанный выбор. Григорий никогда не забывал о родителях и семье, куда бы ни забрасывала его военная служба, всегда писал письма и по возможности приезжал. Он был женат, причем жену, Аксинью, взял из староверческой семьи. Сватать пришлось долго, не хотели отдавать родители дочь за офицера, но, как говорят, – не мытьем, так катаньем! Трижды Николай ездил с Григорием в то село, но все-таки высватал невестку. Свадьбу праздновали неделю. Теперь четверо внуков взрослых, деда своего до беспамятства любят, двое уже женаты и правнуков растят. Каждое лето кто-то из детей или внуков гостит в доме Николая, а то и за раз понаедут. Весело и хорошо тогда было на душе Николая, продолжил он свой род, не пресек, значит, правильно тогда поступил. Трудными были для него те жестокие решения, но верными...

А вот и появились ходовые огни машины в рассветном тумане над рекой. Это Григорий на своем вездеходе японском торит дорогу, засыпанную за ночь снегом. Ох, лихо летит!

– Варенька, поставь самовар, Гриша едет, – сказал он, заглянув в дом.

Через полчаса во двор, через открытые отцом ворота, въехал джип, из которого вылез крепкий, очень похожий на своего отца мужчина.

– Здравствуйте, родители дорогие! – низко поклонился он отцу с матерью.

– Здравствуй, сын! – ответил Николай, крепко обняв его.

Из машины вышли Аксинья и двое парней.

– Так, Аксиньюшка, здравствуй! – обнял ее Николай. – А это кто будет?

– Так это правнуки ваши, отец, Алексей и Владимир, Петра нашего сыновья. Вот привез их вам показать, а им родину своих предков посмотреть. Они еще у вас не были, Петр-то уж больно далеко, аж на Дальнем Востоке, служит.

– Хорошо, что приехали, проходите в дом, там стол накрыт, проходите... – сказал Николай, рассматривая своих правнуков.

– Сейчас, отец, они мне помогут машину разгрузить, мы тут тебе много чего привезли...

В числе прочего имущества, в основном рыболовно-охотничьего, Григорий привез спутниковую антенну и телевизор. Дизель-генератор, имеющийся в хозяйстве уже пару лет, заводился только в случае, когда Варваре нужно было постирать. Стиральную машину привезли вместе с генератором. Только когда Семен, средний из сыновей, включил все и при всех простирал белье, а Варвара с недоверием проверила его на чистоту и одобрительно улыбнулась, Николай облегченно вздохнул. Коль хозяйка приняла, значит, быть тому в доме. Теперь Варвара с недоверием смотрела на широкий экран плоского телевизора, который, быстро распаковав, правнуки устанавливали в большой комнате. Когда на крыше была закреплена антенна и все подключили, все собрались у черного экрана телевизора. Владимир нажал кнопку на пульте, и экран вдруг расцвел всеми цветами радуги. Это было красиво, но потом этот квадрат ожил, в нем появились люди, автомобили, звуки, музыка... Это все было для Варвары и Николая столь неожиданно, что они инстинктивно попятнулись от экрана.

– Вовка, сделай потише и найди хорошую музыку, – сказал Григорий, заметив замешательство и тревогу на лицах родителей.

Вовка мгновенно выполнил просьбу своего дядьки, и на экране засверкали уборами русские красавицы из какого-то народного хора. Песня разлилась по дому, наполнив его какой-то

благостью и спокойствием. Варвара, улыбнувшись, ушла в кутью и вынырнула оттуда с большим подносом с пирогами. Таких пирогов правнуки еще не пробовали. Горячий крепкий чай, приправленный зверобоем, и пирог с тающей во рту олениной, присыпанной брусникой...

В обед Григорий с племянниками ушел на реку: решил проверить свои окуневые места и мальчишкам показать, что такое настоящая зимняя рыбалка. Первое место, которое они обурили и где попробовали блеснить, результатов не принесло. Григорий понял это сразу, река хоть и медленно, но всегда меняет свое русло. Отошли чуть под берег, забурились, и с первой же лунки вылетел жадно схвативший блесну колючий хищник. Как на подбор брали окуни по двести – триста граммов весом. Достаточно было опустить блесну почти на дно, а потом подорвать ее два-три раза, и полосатый речной тигр бросался из подводной засады на беспечную добычу. Окунь шли на блесне, сопротивляясь до последней возможности и, даже выброшенные на снег и морозный воздух, долго не сдавались. Не понимая, как это они вдруг оказались без живительной речной воды, прыгали и, изгибаясь блестящим телом, расправляя мощный верхний плавник, хватая большим зубастым ртом воздух, искали ее. Наконец, прихваченные морозом, засыпали, укутавшись в причудливых позах легким снежком. Когда Вовка вытащил окуня почти под полкило, восторг был неопишем. Лешка, младший брат, тоже не отставал, но их соревнование пришлось остановить. Темнело рано. Довольные и нагруженные хорошим уловом, они возвращались домой уже затемно.

В доме было, как всегда, тепло и уютно. Варвара суежилась у плиты, готовя что-то необычное на ужин. Николай, то и дело меняя каналы, смотрел телевизор. Один из информационных каналов передавал новости о событиях на Украине. Николай смотрел, как по центральной улице Львова, под бой барабанов, идет колонна молодых людей с горящими факелами в руках, с нацистскими повязками на рукавах. Они что-то кричали, размахивая флагами со свастикой, одна из колонн несла огромный портрет Степана Бандеры. В этот момент дали крупный план – в первой шеренге шли, вероятно, ветераны дивизии «Галичина». Они шли в военной форме этой эсэсовской дивизии, с орденами на груди. Николай замер от неожиданности. Крупным планом на экране показалось знакомое ему лицо со шрамом через всю щеку. «Не может быть?!» – подумал Николай. Неужели это он, тот самый гад, судить которого должны были за убийство семьи тунгусов и знакомых ему старателей? Неужели это он? Как бы в подтверждение, на экране еще раз показали лицо этого ветерана СС и то, как он прицепляет какую-то медаль юному бандеровцу. Он довольно улыбается и, повернувшись к камере, вскидывает руку в фашистском приветствии...

Когда Григорий с племянниками вернулся с рыбалки, Николай в задумчивости сидел и, от нечего делать, перебирал охотничьи снасти на соболя.

– Гриша, я тут передачу смотрел про Украину, там что, фашисты у власти?

– Нет, папа, не фашисты, там у власти не пойми кто, но фашистов они просто боятся.

– Я там видел факельное шествие во Львове, а можно как-то еще раз посмотреть?

– Вовка, подь сюда, вот дед хочет передачу еще раз посмотреть, сделаешь?

– Без проблем, дядя Гриша, – ответил Вовка, и через десять минут Николай вновь внимательно вглядывался в лицо со шрамом ветерана СС.

– Да, это точно он, – убедился Николай.

– Кто это, папа? – спросил Григорий. – Вы его знаете?

– Да, сынок, знать-то не знал, но упустил я тогда этого зверя, упустил, а он, глянь-ка, зря время не терял, смотри, сколь у него учеников. Смотри, что они кричат – «Смерть москалям!» Это нам, значит, смерть? «Москаляку – на гиляку!» Это значит, сынок, на виселицу нас! Вот оно как развернулось! Ты посмотри, они ж безумные все, жизни еще не видели, а что кричат! А этого я помню, всю жизнь помнил, такое не забывается, лютый зверь это, не человек. Не знаю я, сынок, как получилось, что он выжил, но он, считай на моих глазах, кровь людскую,

безвинную здесь, в нашей тайге, лил, а я не смог тогда его, гада, придушить. Видно, не доделал я до конца свое дело, не доделал...

– Да вы чего, отец? Вы же воевали, вон медаль у вас, мы же гордимся вами! – говорил Григорий опустившему седую голову отцу.

– Все, да не все, сынок...

– Вы бы рассказали, что ли, нам, что тогда случилось, а то вот горюете, а мы и не знаем, про что это. Расскажите, пусть внуки знают, какая была жизнь...

– Хорошо, расскажу, вот поужинаем – и расскажу, только долгим тот рассказ будет, – согласился Николай.

– И пусть, – обрадовался сын.

– Гриша, а ты мне пока расскажи, как так случилось, что Украина стала недругом России. Я, конечно, в истории не силен, но, насколько знаю, русские и украинцы, бывало, ссорились, но никогда не враждовали, а, наоборот, в тяжелое время плечо к плечу вставали. Вон какую войну осилили против фашистов, а теперь что?

– А теперь, папа, другие времена настали. Как только Украина от России отделилась, к власти там пришли те, кто спал и видел свою Украину великой и независимой от России. При чем они считают, что именно благодаря их предкам, украинским, вообще возникло государство Российское. Переписали учебники истории, и вот сейчас уже несколько поколений молодых людей думают, и уверены в этом, что русские когда-то захватили Украинское государство и нещадно эксплуатировали его, планомерно уничтожая украинское население. Хотя такого государства – Украина – никогда в известной истории цивилизации не существовало вообще. Украина как таковая была просто частью России – где мирно жили все россияне. Сейчас на Украине все русское уничтожается, названия городов и улиц, памятники, а самое страшное – поощряется национальная ненависть и нетерпимость к русским людям, живущим там. Запрещается русский язык, а украинский, особенно на востоке страны, мало кто знает. Судя по тому, что происходит в Киеве, все будет еще хуже. Думаю, вот-вот там начнется резня, бойня, и пострадают в первую очередь тысячи русских людей, живущих в этой стране.

– Так людей русских как-то защищать надо! У нас же армия и флот... – поразмыслив, сказал Николай, выслушав сына.

– Пап, я военный, ты же понимаешь, все, что там происходит, – это внутреннее дело независимого государства, вмешиваться в которое мы, как российские военнослужащие, не имеем права, – ответил Григорий.

– Понятно, значит, там наших бить будут, а мы сможем смотреть и сочувствовать только?

– Пап, понимаешь, все не просто. Конечно, нельзя не помочь соседям, ежели беда в их дом пришла, но все надо делать с умом.

– Понимаю, сынок, понимаю, но когда в меня целятся, я тоже винтовку вынимаю... – сказал Николай, глядя в глаза сыну.

– Так, мужчины, все к столу, – прозвучал голос Аксины, накрывавшей на стол.

– Идем, сынок, потом договорим, у меня кое-какие мысли появились, обсудим, ты же у меня военный человек.

– Хорошо, пап!

После ужина Николай ушел к себе в комнату, прилег на диван. Он подумал, как же ему рассказать своему сыну о том страшном времени, когда жизнь порой висела на волоске и ничего не стоила. Когда тебя в любую минуту могли убить и ты тоже убивал, и другого выбора не было. В его памяти стали всплывать события прошлого, казалось давно забытые, но они приходили одно за другим с точностью до мелочей, как будто все это было только вчера...

Сибирь. 1948 год. Кольша

Пролетели годы, ушли в безвестность люди, и дела их канули в вечность, унеся беды и радости, горе и печали. Даже могилки не сыщешь, приняла земля их грешные тела и растворила в себе, питая травы лесные да вековые деревья наливая силой. Стоят они, таежные великаны, в три обхвата, мохом седым покрытые, неподвластные времени и недоступные рукам людским, пока не выйдет их срок. А выйдет, с диким скрежетом и треском рухнут на скалы, подломив попавших под них молодых братьев, останутся на долгие годы непреодолимым препятствием путнику или зверю, по тропе идущему. Потому тропы таежные вдруг, ни с того ни с сего, иной раз исчезают. Пропадают в зарослях и заломах, вроде как и не было николи здесь хода для человека. Разве что зверь проскочит или птица какая схоронится от охотничьих зорких глаз в непролазе темном. Трудно сохранить в памяти таежные тропы, даже если каждый год по ним ходишь, а уж если некоторое время не бывал, считай, снова книгу таежную листаешь. Не был в этих краях Кольша всего-то пять с небольшим лет, а с трудом узнавал берега Енисея, мимо него проплывающие. В тумане утреннем прижимался он к самому берегу, всматриваясь в скалки береговые, в устья небольших ручьев, боясь пропустить то самое место, откуда когда-то начал свой долгий путь по чужбинам. Небольшая плоскодонка была легка и почти не просела в воде от Кольши с его заплечным мешком и довольно крупного пса непонятной породы по кличке Арчи. Они третьи сутки сплавлялись по реке, благополучно миновав, не считая деревень, по тому берегу уже, и когда-то столицу Енисейского края город Енисейск, и большое село Ярцево, только названий этих Кольша не знал. Он никогда в этих жилых местах не был, да и не собирался быть. Он искал небольшой ручей, устьем своим огибающий огромный камень на енисейском берегу, с уютной лагуной под крутым скалистым обрывом. Он помнил это место, но прошло много лет, он боялся пропустить его, а это было бы большой бедой. С этого ручейка, и только, он мог найти дорогу к родным местам. По времени, он понимал, что это уже где-то рядом; потому, как только смеркалось, он причаливал в пригожем месте, и они с Арчи устраивались на ночлег. Спешить было некуда. Кольша понимал, вряд ли кто ждет его там, куда он направлялся, но он хотел навестить свою родину, поклониться праху своих родичей. А там уже и решать, как дальше жить на белом свете. Шло лето 1948 года...

Этим утром, наскоро перекусив пойманными на удочку ельцами, Кольша не торопясь отчалил и поплыл близко вдоль берега. Арчи бежал посуху, то и дело шныряя в прибрежные заросли. Пару раз выскакивал довольный, вспугнув глухарей с песчаных кос. Небольшой поворот реки, и Кольша увидел и сразу вспомнил то самое место, скалку над водой, камень, с которого он когда-то удил рыбу. Арчи, выскочив на берег у ручейка, призывно и, как показалось Кольше, радостно залаял.

«Признал знакомое место, молодец», – подумал Кольша, направив лодку в устье ручья. Здесь, на скале, над рекой, припрятал он еще тогда инструмент, что должен был принести в свою деревню. Тогда, как случилось, это было уже незачем, а теперь ему это было в самый раз. Только сохранилось ли? Он, вытащив лодку на берег, сразу решил подняться и проверить свой тайник. Арчи пулей взлетел вверх и, довольный, сидел у огромного пня на вершине, ожидая хозяина, он точно знал, для чего тот поднимается сюда. Он даже стал лапами подкапывать, откидывая куски скальника.

– Хорошо, Арчи, молодец! – похвалил Кольша, увидев, как старается пес.

Слава богу, все в целости – не зря он тогда в сухое место уложил железо и смоляным холстом перемотал, не зря: топоры и косы, пила – все как новое, ни капли ржавчины. Даже соль, на что совсем не рассчитывал, тоже была цела. Теперь, когда он успокоил себя тем, что все в порядке, Кольша, уже не торопясь, спустился вниз, к лодке.

– Арчи, ко мне, будем рыбалить, надо едой запастись, когда еще такой случай будет! Топать нам по тайге и топать. Дорогу-то помнишь?

Арчи поднял морду и внимательно слушал хозяина. Как будто понимал. Потом шевельнул хвостом и, развернувшись, скрылся в зарослях по ручью. Кольша тоже пошел по ручью, надо было добыть ручейника на наживку. Много времени на это не ушло, и уже через полчаса Кольша забросил в омуток за камень леску с крючками. Мгновение – и первый хариузок вылетел из воды, подсеченный на быстрой поклевке.

«На ручейник любая рыбеха берет», – думал Кольша, поправляя еще совсем целую наживу на крючке. Не успел он сделать заброс, как услышал шум позади. Это был Арчи, который выбежал из прибрежного ельника с довольно крупным зайцем в зубах. Подбежав, он положил свою добычу к ногам и сел, глядя на своего хозяина очень серьезными глазами.

– Хорошо, Арчи, молодец, давай еще, – похвалил его Кольша и отвернулся к реке. Когда он, через мгновение, забросив снасть, вновь обернулся назад, Арчи уже не было.

К позднему вечеру Кольша с Арчи уже были готовы к походу. Четыре десятка посоленных и слегка подвяленных на костре харюзов и три разделанных крупных зайца было им вполне достаточно. Арчи, набегавшись, сытый, лежал на камне в лучах заходящего солнца. Он дремал, но был настороже, его уши то и дело вздрагивали, и он, иногда, приподнимал с лап голову, вслушиваясь в звуки тайги. Он чувствовал, что хозяин им доволен, и был от этого счастлив. Он столько лет ждал его, и дождался, теперь опять они, как и раньше, снова вместе.

Кольша и удивлялся, и радовался за своего пса. Тогда, давно, он оставил Арчи у своего знакомого в деревне. Он, конечно, обещал за ним вернуться, но и предположить себе не мог, что произойдет это через столько лет и пес его не забудет. А тот, мало того что не забыл, казалось, стал понимать его с полуслова.

Утром Кольша, спрятав в ручье лодку, взяв из инструмента все самое необходимое, двинулся в тайгу по едва видной, сильно заросшей лесовозной дороге. Дорога-то и в те времена не оправдывала своего названия, а теперь была вообще брошена, после войны здесь никого не было. Поубавила война таежного мужика, да и так далеко на лесоповал не с руки стало ездить. Однако человеческий след Кольша таки заметил, кто-то не так давно прошел этим путем. Это насторожило его по привычке, но он сразу успокоил себя – он же дома и Арчи рядом. Пес подошел, понюхал след и, вильнув хвостом, спокойно побежал впереди. К вечеру они пришли к старой стоянке лесорубов, но от нее остались одни головешки. Все сгорело, давно, уже молоденькие елки поднялись на месте большой избы, где когда-то Кольша впервые увидел портрет Сталина.

Небо, еще с полудня, потихоньку затягивало тучами, потом стало задувать прохладной сыростью. Кольша глянул, как муравьи спешно заделывают ходы в своем большом доме. Да, быть крепкому дождю... Еще раз оглядевшись, развязал мешок и вытащил топор. Жаль, все погорело здесь, переждать непогоду негде. Придется делать шалаш, подумал Кольша и стал сооружать укрытие на ночь.

Первые капли дождя упали на непробиваемую еловую крышу, когда Кольша и Арчи, уютно устроившись под ней, ужинали жарким из зайчатины. Костер, прикрытый кусками толстой коры, тлел жаром, дождь не давал ему разгореться, но и потушить не мог. Несколько раз полоснуло ярко по небосводу, а потом раскатисто и мощно ударил гром. Вот чего не любил Арчи, так это грозу. Он задрожал и всем телом прижался к хозяину, поскуливая, уткнул свою морду ему под руку.

– Все хорошо, Арчи, не бойсь, ты же со мной, – успокаивал его Кольша, поглаживая вздыбившуюся холку собаки.

Сам Кольша, как ему казалось, не боялся ничего, в свои семнадцать лет он повидал уже такое, чего многие и за всю жизнь не увидят. Недаром, в эти-то годы, голова его была совсем седой. Только голубые глаза под черными бровями как-то мягко светились необычной тепло-

той и любовью ко всему окружающему миру. И вообще, высокий ростом, стройный, он был крепок не по годам, вынослив и спокоен. Потому как уверен был в себе, в своих силах. Всегда уверен. От этой уверенности все вокруг становилось простым и понятным, наполнялось смыслом. Кольша с большой жадностью познавал и познавал этот сложный, противоречивый, но одновременно удивительно гармоничный мир природы. Он с трепетом в душе вдыхал этот воздух, воздух его родины, его земли...

Этот мир не был ему враждебен, в отличие от того, который часто приходил к нему во снах. Кольша научился запоминать свои сны, более того, действовать в них вполне осознанно, это делало его жизнь интересней. Иногда несколько ночей подряд во сне он видел себя в событиях своего прошлого, и не самого хорошего. Он пытался по-новому прожить, изменить что-то, не допустить беду, но, увы, если во сне и получалось что-либо, то наяву все оставалось прежним в прошлом, постепенно забываемым, уходящим.

С миром природы Кольше было просто. Другое дело люди. Этот мир был для него недоступим. Слишком сложно и непонятно, порой бессмысленно, часто жестоко поступали те, с кем ему пришлось столкнуться по ходу жизни. Он встречал и хороших, добрых людей, с которыми был бы рад провести всю жизнь, но они уходили, оставляя его один на один с другими, готовыми эту жизнь у него отнять... Ему пришлось бороться за жизнь, сражаться, убивая врагов. За годы скитаний он потерял многих, ставших близкими ему людей и теперь возвращался на свою родину, в надежде найти кого-то из старых друзей и, возможно, обрести новых. Один из них уже был рядом с ним, верный и преданный, лохматый Арчи, согревавший сейчас его в сырой таежной ночи.

Утром распогодило, и уже к полудню подсушило так, что Кольша решил двигаться дальше. На очереди была стоянка у ручья, где, когда он уходил, мыли золото беглые заключенные. Один из них, Сергей, потом стал другом и наставником Кольши. Они расстались на фронте, в самые тяжелые дни обороны Сталинграда. Кольша, так уж случилось, попал в плен. Он уверен, что его друг и командир погиб как герой. Иначе быть просто не могло. Сейчас он понимал, что тогда Лемешев, из окружения отправляя его с донесением в штаб, просто спасал ему жизнь. Потом было то, о чем Кольша не любил вспоминать. Но он бежал, он вырвался из плена и смог вернуться домой. Это было главным. А как это было, не важно. Те несколько лет ему было приказано забыть, и он о них забыл. Все эти мысли не мешали Кольше вспомнить тропу, по которой они с Арчи быстро шли, и уже к вечеру они были у того памятного ручья. Небольшой шалаш из лапника, ужин, и ночь поглотила Кольшу с Арчи. Ручей шуршал в тихой ночи ветками кустарника, наполняя ночную мглу криками какой-то испуганной птицы и непрерывным рокотом водного потока, шлифующего скальные выходы.

К вечеру следующего дня Кольша с замиранием сердца подходил к своей деревне, вернее, к тому, что от нее осталось. Он помнил, как деревня горела, как рушились вековые срубы изб, изрыгая снопы искр и клубы дыма из своих пылающих недр. Он решил посмотреть, навесить кладбище, а потом идти дальше, туда, куда ушли его земляки, когда в его деревню нагрянули каратели. Именно каратели, по-другому он их теперь не называл. Перед спуском к селению Арчи насторожился и, коротко гавкнув, скрылся впереди. Кольша ускорил шаг, заодно обратив внимание на то, что тропинка, еще недавно еле заметная и заросшая, вдруг обрела нормальные черты. По ней недавно ходили, это уже была нормальная таежная тропка, набитая и ухоженная. Кольша услышал лай собак. Сердце дрогнуло, в деревне кто-то жил. Вот-вот должна показаться околица, Кольша чуть не бежал. Навстречу ему, чуть не столкнувшись, вылетел Арчи. Он прыгал, поскуливая, махал хвостом и вообще, казалось, стал сам продолжением своего хвоста. Пес радовался. Кольша увидел, наконец, деревню. Один рубленый из свежего кругляка дом с пристройками стоял на месте большого когда-то селения, но и это для Кольши было большим счастьем. Он поправил на себе одежду, по-армейски подтянул ремень и спокойно пошел к дому. Его уже приметили и ждали. Арчи своим появлением поднял шум,

местные собаки, окружив его кольцом, на своем языке выясняли, кто таков и откуда взялся. Кольша пришел Арчи на помощь, поскольку атмосфера встречи накалялась. Арчи, вероятно, хотел отстоять давно утраченные им права вожака деревенской своры, и, если бы Кольша не запустил в собак куском какой-то древесины, дело бы дошло до потасовки.

– Ты чего собак забижаешь? – услышал он чей-то голос и увидел вышедшего с ружьем в руках парня.

Кольша пригляделся: что-то неувовимо знакомое было в чертах его лица. Парень был явно моложе Кольши.

– Здорово, Фролка, – узнав-таки мальчишку, сказал Кольша, протянул ему руку.

Тот отпрянул, поднимая ствол.

– Не Фролка я, брат его младшой, откуда ты нас знаешь?

– А, значит, ты Степка? Ствол-то опусти, не ровен час, стрельнешь своего брата двоюродного. Кольша я, помнишь такого?

– Кольша? Нешто это ты? Так, сказывали, пропал ты совсем...

Из дверей избы тем временем вышел высокий русоволосый парень и, глянув в их сторону, улыбнулся:

– Нешто Кольша объявился, то-то я смотрю и собака твоя, Арчи, кажись?

– Привет, Фрол, хорошая у тебя память, точно, это Арчи. Вот вернулись, родное место посмотреть, могилам поклониться. Примешь на постой?

– Конечно, проходи, Кольша, сейчас обедать будем. Собаку-то приструни, а то наши порвут...

В доме была хозяйка, Евдокия, жена Фрола, в люльке посапывал малыш.

– День добрый, хозяйка, – поздоровался Кольша, увидев ее, и прошел в комнату, где стоял накрытый свежей скатертью стол. Чистота и порядок в хозяйстве говорили о том, что Фрол выбрал себе хорошую жену.

– Из каких краев будешь, путник? – спросила Евдокия, когда все уже сели за стол и она подавала чашки с кашей из пареной репы.

– Местный я, наш дом вон там, у ручья, стоял. А ты откуда такая бойкая?

– Меня Фрол с Тасея реки привез, сосватал, и поехала в эти севера. На Тасее-то теплее зимы.

– Никак жалеешь, что ль? – спросил Фрол.

– Да что вы, Фрол Петрович, я за вами, как за стеной каменной, – улыбнулась Евдокия, погладив мужа по плечу.

Благословив трапезу, пообедали. Давно Кольша не вкушал соленых груздей с отварной репой да с жареным мясом, брусники, с ледника поднятой и оттого покрывшейся в чашке инеем.

– Как живете-можете? – благостно отдуваясь, спросил сытый Кольша, вытерев свежим полотенцем руки после еды.

– Живем помалу, пока не погнажи, – ответил Фрол с усмешкой. – Приезжали тут, в том годе, из города. Спрашивали, почему здесь живем. Я ответил, что родился здесь и жить здесь хочу. Родичи мои здесь в земле лежат. Дали нам бумаги какие-то, вон тама лежат, и уехали. Сказали, живите пока. Вот и живем.

– А ежели погонят?

– Уйдем в Новоселку. Там дальше по ручью кривому, шесть дней пути. Там наши от нелюдей бесовских укрылись, тогда, когда деревню спалили. Правда, я там не был еще, нет времени.

– Это я помню.

– А ты-то как? Тебя тогда все потеряли, думали, сгинул вовсе.

– Я на фронт, воевать ушел.

Фрол перекрестился.

– Спаси, Господи. За кого ты воевал? За тех, кто нашу деревню спалил, стариков погубил?

– Нет, Фрол, за родину. Ты не представляешь, что бы было, если бы фашисты сюда пришли.

– Так воевали же с немцами? – удивился Фрол.

– С фашистами воевали, которые сделали Германию своей родиной. Я повидал этих гадов разной национальности, и немцев, конечно, но и русских, и всяких. Фашисты – это те, кто себя лучше других считают, а всех остальных либо на тот свет, либо себе в рабы бесправные. Звери они бездушные, независимо от национальности. Я в плену у них побывал, сбег потом, слава богу. Так что посмотрел на них близко...

– То-то, я вижу, башка у тебя вся седая.

– Зато душа и тело в порядке, вот пришел, думаю тоже обосноваться здесь. Ты, Фрол, не против?

– Я только за! – улыбаясь, воскликнул Фрол.

– Так ему хозяйка нужна, пушай с Тасея подругу мне привезет, а то и поболтать-то не с кем, – улыбнувшись, сказала Евдокия.

– Так вы тут совсем одни?

– Уже не одни, вот ты пришел, – рассмеялся Фрол.

– Петька рябой еще с нами живет, друг твой закадычный. Его родичей всех угнали, называют, живы, по лагерям сидят за веру. Он сейчас на рыбу подался. В низовья народ набирали, вот он и ушел. Как про то прознал? Думает, денег заработает и поедет своих из каторги выкупать. Дурень, деньгами тут не откупишься, тут золото надо, да где его взять столько...

– А сколько надо?

– Сказывали, Куприн Василий свою жену из лагеря за кисет песка золотого выкупил. А сколь в том кисете было, кто его знает, однако не меньше фунта.

– Не меньше фунта? Да, не мало, а давно Петька ушел?

– Вчерась и ушел.

– Как же мы разминувшись?

– Да, должен был тебе встретиться.

На улице раздался лай, Кольша встал и подошел к окну. Он узнал голос своего пса. К Арчи присоединились и местные псы.

– Кто-то чужой идет, – сказал Фрол и пошел к выходу, Кольша последовал за ним.

Уже со двора они увидели двоих мужчин, направлявшихся из таежной ложбины в сторону деревни. Фрол прихватил ружье, и они с Кольшей вышли навстречу. Выйдя из сарая, к ним присоединился и Степка.

– Что-то сегодня гостей многовато, давненько столь народу не было, – проворчал Фрол озабоченно.

Собаки, Арчи в том числе, увидев такое дело, вылетели вперед и остановили идущих чужаков. Один из них, ростом пониже, в телогрейке и треухе, в хороших армейских сапогах, чуть шагнув вперед, крикнул:

– Эй, хозяйева, собак придержите, не ровен час, кинутся!

– Не кинутся, ежли вы люди добрые, – ответил Фрол.

Люди заговорили – собаки смолкли, но держались злобно и настороженно. Арчи стоял рядом с Кольшей оцетинившись, то и дело скалился, показывая клыки.

«Не такие добрые эти люди», – подумал Кольша, всматриваясь в лица и движения пришедших.

– С чем пожаловали? – строго спросил Фрол.

– А ты кто такой, чтобы спрос вести? Мы люди вольные, куда хотим, туда идем.

– Вот и ладно, вольные люди, идите, куда вам надобно, токо мимо, в деревню нашу вам нельзя.

– А чего так строго? – хмурясь, поглядывая исподлобья, спросил молчавший до этой поры второй мужчина.

– А я вас в гости не приглашал, потому идите своей дорогой по-хорошему, – ответил Фрол, переложив ружье из руки в руку.

– Нам бы отдохнуть день, припасами запастись, устали мы, не злись, хозяин, вторую неделю тайгой идем.

– Далеко идете? – спросил Фрол уже не так строго.

– Артельные мы, на участок свой пробираемся. Сами знаете, нам от властей местных подале держаться надо. Мы сами по себе, как и вы. Вы же веры старой держитесь? Так?

– Так, – ответил Фрол.

– А мы веры ни старой, ни новой не ведаем, однако живем своим трудом и Бога не гневим. В прошлом году шли севернее, а там перекрыто сейчас, лагеря, заключенные лес валят, не пройти там. Вот мы и пошли петлять южнее, потому на вашу деревню и вышли, а припас-то уже на исходе. Выручайте, мы заплатим, осенью выходить будем, золотым песком рассчитаемся, слово даю, – сказав это, высокий ростом мужик, протянув руку для рукопожатия, смело шагнул вперед.

Фрол с ружьем в руках не успел среагировать, а Кольша, быстро шагнув вперед, принял руку чужака и заметил, как в его глазах мелькнуло нечто похожее на злость. Рукопожатие было крепким. Кольша был к нему готов, а Фрол точно бы лишился ружья. Кольша понял это, чужак тоже понял, что Кольша разгадал его мысли.

– Вижу, не пальцем деланы, – отняв ладонь из жесткой руки Кольши, медленно проговорил мужик. – Ладно, то, что я сказал, истинная правда, но вы больно суровы, с ружьем-то, не порешите нас ненароком?

– Нам душегубство ни к чему, но, ежели что, спуску не дадим, – спокойно ответил Кольша, прямо глядя в колючие глаза мужика.

– Ладно, прости за мысли дурные. Так выручите аль нет?

– Хорошо, припаса дадим, вон в сарайке на сене отдохните, в дом не приглашаю, не принято у нас нехристей в доме принимать.

– И на том спасибо.

– Спасибо в карман не положишь. По осени расчет жду.

– Договорились.

Степан проводил, уже гостей, в сарайчик. Фрол и Кольша присели на лавочку продолжить разговор.

– За ними присматривать все одно надоть, – сказал Фрол.

– Я присмотрю, тоже в сарайчике с ними и расположусь пока, – ответил Кольша.

– Хорошо. Уйдут, в доме для тебя всегда место есть, – улыбнулся Фрол.

– Так куда же Петька делся?

– А никуда не делся, вон он, шлепает по тропе. – Фрол махнул рукой.

– Петька, а ну, давай сюда, смотри, кто к нам вернулся!

– Глазам не верю, нешто это Кольша?! – подойдя близко, сказал Петька, разглядывая своего давнего приятеля.

Они рассмеялись и обнялись.

– Где же тебя нелегкая носила?

Кольша задумался. Легкая или нелегкая его носила, не мог он определить. Улыбнувшись с нескрываемой грустью, ответил:

– Да уж, немало злодейка носила, будет время, расскажу. Ты-то как? Фрол сказал, ты на заработки подался, денег заработать, чтоб своих из неволи выкупить.

Разговаривая, они медленно шли по улице сгоревшей когда-то деревни, в зарослях молодой весенней травы угадывались бывшие дворы, проглядывали угли срубов, остатки глинобитных печей, обгоревших изгородей.

– Вот здесь, помнишь когда-то, наш дом был. Я тут поковырялся в углях, ложку нашел батину и молоток. – Петька вынул из кармана оплавившуюся алюминиевую ложку и показал Кольше. – Не знаю, чё делать. Мать и две сестры в лагере, где-то и отец. Хочу их найти и выкупить.

– Ты знаешь, где они?

– Да, мать и сестры в женском лагере недалеко от села Агинского, поселок Тугач. Там они, это точно. Оттуда несколько человек наших смогли освободиться. Такие страсти рассказывали, страшный лагерь. Люди зимами как мухи мрут от голода и холода. Так что до зимы мне их оттуда вытаскивать надо. Для того деньги нужны немалые, а лучше – золото. Но где его взять? Хотя, вон все ручьи золотоносные, везде золото артельно моют. А я один. За лето столько не намоешь. Да и не знаю я, как его добывают.

– А сколько надо?

– За человека одного не меньше фунта, вот так вот.

– Это за троих, считай, полтора килограмма надо? Да, Петька, много, а если добудем золото, точно вызволим твоих?

Петька посмотрел в глаза Кольше.

– Куприн свою жену выкупил. Значит, и я своих выкуплю, а ты что, помочь мне решил?

– А почему нет? Ты же друг мне, я свободен пока, как птица. – Кольша улыбнулся каким-то своим мыслям. – Вот, думал, чем заняться, дом хочу поставить, но это не к спеху. Твоих вызволим и вместе строиться будем. Поможешь, бревно-то с двух концов сподручнее класть.

– Конечно помогу, Кольша! – улыбаясь, ответил Петька.

– Тогда слушай. Немного, с полфунта, песка золотого у нас, считай, уже есть. Остальное тоже знаю, где взять, только далеко это и неизвестно, цело ли. Но если цело, тогда нам хватит на твоих точно.

– Кольша, у тебя есть золото?

– Я же сказал – есть.

– Откуда?

– Друг у меня был, погиб на фронте, золото для меня оставил, с полфунта, тут недалеко, в деревне у человека надежного. А вот остальное... Это нам, Петя, потопать придется ножками по тайге забайкальской, – чуть поразмыслив, сказал Кольша.

– Расскажи.

– Не сейчас, тут, пока тебя не было, двое чужих пришли, вроде старатели. Фрол их в сарай отдохнуть пустил. Какие-то они... в общем, надо за ними присмотреть. Я с Арчи тоже в сарай на ночлег пойду, а ты пригляди снаружи, может, не одни они. В случае чего филином прокричи, не разучился еще?

– Не разучился, – рассмеялся Петька.

– Ладно, вечереет, надо ночлег посмотреть. Пошли, Петь, завтра обговорим все.

– Пошли.

Они вернулись к дому, где их поджидал Фрол.

– Ну что, наговорились? Идите, там на стол накрыто, ужинать будем.

После ужина Кольша, позвав Арчи, облюбовавшего уже себе место под старой лодкой на берегу ручья, пошел в сарай. Там те двое, что пришли в деревню, тоже готовились ко сну. Увидев вошедшего, они встали с топчанов.

Кольша подошел и, протянув старшему высокому мужику руку, представился:

– Николай.

Тот, пожав руку, ответил:

– Федор Егорыч, а его Семен зовут.

Кольша протянул и пожал руку Семену.

– Ты, паря, не серчай на меня, я действительно хотел твоего друга немного проучить, но не более того. Не люблю, когда на меня ствол направлен, с войны не люблю. Он-то явно пороха не нюхал, как и ты, верно?

– Не верно, я, дядя, войну прошел от Сталинграда до самой победы.

– Да? Ну прости, не думал, что в старовойсковой деревне фронтовика встречу.

– Ладно, все в порядке. Я тут тоже в гостях, так что на ночь к вам присосежусь.

– Места хватает, располагайся, Николай.

Когда Кольша устроил себе место для сна и лег, Семен уже посапывал в своем углу, а Федор Егорыч подсел к Кольше и спросил:

– Так, говоришь, в Сталинграде воевал, у меня брат там пропал без вести, рядовой Алексей Грошев, не встречал такого?

– Грошев? Может, и встречал, только разве упомнишь всех в том аду. Там столько народу полегло на переправах, да и в городе, в руинах. Извини, рядом со мной такого не было, запомнил бы. Ты-то где воевал?

– Ленинградский фронт, но недолго, по ранению выбыл, у меня на ноге, видишь, четырех пальцев нет. – Он показал ступню, на которой действительно не хватало пальцев. – Там они и остались, вместе с сапогом, а меня в санбат и эвакуировали по Ладогге. А потом в обозе до конца войны служил, в нестроевые списали. Снаряды подвозил, в общем, на извозе. Трех лошадей за три года убило, а я уцелел. Вернулся домой, а дома-то и нет. Сожгли немцы дом, жена с сынишкой у матери. Вот теперь ходим с Семеном, он мой родственник дальний, вдовец, зимой плотничаем, а на лето едем сюда, золота помыть втихую.

– Ну и как, на золоте заработать получается?

– Ежели место фартовое, получается. Но с каждым годом все тяжелее. Тесно в тайге становится, в прошлом годе еле успели ноги унести. Под осень чуть не попали в облаву, на дорогах, вокзалах кордоны милицейские, патрули, в общем, завинчивают гайки.

– Я не пойму, Федор Егорыч, почему вы прячетесь от всех. Добыча золота не запрещена, наоборот, я слышал, власти помогать добытчикам всячески должны.

– Согласен с тобой, но у Семена судимость, он три года как на свободу вышел, а таким, как он, «врагам народа» запрещена золотодобыча. А без него я в этом деле не смыслю. Он старатель от Бога. Знает и умеет. Он этот металл благородный каким-то природным чутьем чувствует. Потому и прячемся.

– Враг народа?

– Ага, вражина несусветный. В тридцать восьмом году, на партсобрании, заступился за женщину, которую из партии исключали, как дочь врага народа, ну и сам стал врагом народа. Его тогда чекисты долго били, но то, что он будто немецкий шпион, он так и не признался. Это он мне потом рассказал, зубы, говорит, жалко было – половину выбили, сволочи.

– Да, и у меня друг Семен был, тоже сидел в лагере, а на самом деле настоящий мужик и герой. Война все показала, кто враг настоящий...

– А где твой Семен сидел?

– Где он только за эти годы не сидел. Сначала Колыма, на приисках, чуть богу душу не отдал, а потом здесь, в Красноярском крае, в Тугаче, кажись.

– В Тугаче?

– Да, а что?

– Ладно, завтра о том поговорить с ним надо будет.

– Хорошо, ну пойду уже, заболталась, а завтра рано вставать, спокойной ночи.

– Доброго сна, – пожелал Кольша и лег.

Утром, перед самым рассветом, Кольша проснулся и шепотом позвал Арчи. Тот был рядом. Они потихоньку вышли из сарая и направились к ручью. Первые лучи солнца разорвали туман, укрывший деревню. Кольша с нескрываемым восторгом смотрел на небо, наполнившееся легким, трепетным сиянием. Сколько лет он мечтал увидеть эту бездонную синеву над головой, эти сопки с ключьями запутавшегося в ветвях сосен тумана. Этот ручей с чистым звоном струй на перекате и раскрывшиеся, все в утренней росе, жарки. Комок подступил к горлу. Только теперь и именно сейчас он понял, что вот это все и есть его родина, его земля, и нет на свете ничего этого дороже. Арчи осторожно подошел к урезу воды и жаднопил чистую ручейную воду. Кольша, сбросив с себя одежду, с разбегу влетел в обжигающе холодный омут, нырнул и, высунув голову из воды, отдуваясь и фыркая, смотрел сквозь мокрые ресницы, как, искрясь и переливаясь всеми цветами радуги, преобразается все вокруг. Арчи сидел на берегу, смотрел на хозяина и, чуть пошевеливая хвостом, улыбался во всю свою собачью морду.

– А, вот вы где! Я тоже хочу! – Петька, сбросив одежду, с разбега влетел в омуток.

Накупавшись вдоволь, они пошли в дом к Фролу, там давно дымила печная труба – значит, завтрак готов.

– Петь, ты говорил, твои родные где-то в Тугаче?

– Да, там женская командировка, ну, лагерь, где одни бабы, Марьин Клин называется, а что?

– Да Семен, что в сарае спит, долго сидел в лагерях, в Тугаче тоже, три года, как вышел. Может, знает чего про твоих. По крайней мере, надо с ним поговорить.

– Надо, обязательно, раз сидел, ведает, как туда добраться. Начальство тамошнее, опять же, должен знать. Давай поговорим.

– Вот поедим и зайдем к ним. Я с Федором Егорычем вчера говорил, Семен этот спал.

– Хорошо.

Когда они пришли после завтрака, Федор сидел на улице, на лавке у сарая, ожидая Фрола, который собирал им припасы.

– Утро доброе.

– Доброе, – ответил Федор Егорыч.

– Мы хотели с Семеном поговорить, у нас родня в лагере в Тугаче.

– Дак поговорите, вон он у ручья, сейчас придет, водицы наберет в дорогу и придет.

– А что я могу сказать про лагерь, – ухмыльнулся Семен, когда выслушал Кольшу и Петра. – Они все одинаковые, бараки да колючка. Тоска смертная да голод, день прожил, и ладно. Ох, не надо вам, парни, близко к тому месту подходить.

– У нас там родня сидит, мы их навестить хотим.

– До села Агинское из Красноярска добраться можно машинами попутными, а дале только пехом до Тугача. Не ходите туда, сгинете... Боле ничего не скажу, не помню я ничего и вспоминать не хочу.

– Что ж, и на том спасибо.

– А и не за что! Я вам ничего и не говорил. – Семен как-то по-воровски оглянулся и пошел с баклажкой к своему приятелю.

– Да, видно, натерпелся мужик, аж здесь, в глухомани таежной, и то оглядывается. – Кольша посмотрел вслед ковьялявшему от них Семену.

«Да, и не подумаешь никогда, что он по золоту мастак, простой, как все, человек, работага», – думал Кольша.

После обеда Федор Егорыч и Семен собрались уходить. Припаса Фрол им не пожалел, обещали щедро расплатиться по осени. Поверил им Фрол. В тайге без веры жить никак нельзя, пропадешь. Кольша и Петька вышли проводить до околицы. Прощаясь, Семен отошел в сторону и сказал Петьке шепотом:

– Лагерь там огромный, несколько тысяч человек, в основном враги народа и уголовники, они за колючкой; есть и бесконвойные командировки, слышал, что староверы там тоже были, но где – не знаю, потому без обид, правда не знаю, уж не обессудьте, парни.

– Спасибо, Семен, мы их найдем.

– Ну, бог вам в помощь, да, еще, есть человек в Агинском, он всем в делах таких помогает, его кличут Мама Родная, найдите его.

– Мама Родная? – переспросил Кольша, улыбнувшись.

– Спасибо. Удачи вам. По осени ждем.

Кольша долго смотрел вслед удаляющимся старателям и думал, надо будет осенью дожидаться их да попросить рассказать, как они золото ищут и моют, пусть бы его научили этому ремеслу, а то как-то неправильно получается. «Живем на золотых ручьях, а как добыть этот дорогой металл, не знаем. Обязательно этого Семена спрошу про все».

В этот момент, уже на опушке леса, Семен, как будто услышав мысли Кольши, обернулся и помахал ему рукой. Кольша тоже махнул рукой.

Вечером Фрол, Кольша и Петька разложили небольшой костер на краю деревни, на пологом берегу ручья, там, где когда-то собиралась деревенская молодежь. Где плясали под гармонь и пели, где знакомились и впервые влюблялись. Они сидели, молча вспоминая былое веселье на этом месте. Не так уж много времени пролетело, а нет ни деревни, ни людей, как будто и не было никогда. Кольша переглянулся с Фролом, одна и та же мысль промелькнула у них.

– А пусть наши дети на этом берегу свое счастье встретят! Так тому и быть, а иначе зачем эта жизнь вообще нужна.

– Когда уходите? – спросил Фрол, выслушав Кольшу.

– Завтра и пойдем, собратся надо в дорогу. Фрол, нам-то снеди какой в дорогу осталось?

– А вам-то зачем? Руки-ноги есть, в тайге не пропадете, – улыбнулся Фрол.

– Так, на черный день, если что, сохатины вяленой да рыбехи чуток, – возразил Петька.

– Да возьмите сколько надо, своим передать тоже потребуется, если свидетесь.

– Ну, пока мы до них доберемся, хорошо, если что уцелеет, – со смехом сказал Кольша, дав знак Петру помалкивать о планах.

– Да ну вас. Лезьте в ледник сами. Как дети малые.

– Хорошо, Фрол, у нас времени на подготовку очень мало, – уже серьезно продолжил Кольша. – Нам придется сначала по Ангаре до великого озера Байкал добраться, потом на север, по моим прикидкам, еще две недели хода, да обратно, если все в порядке, за два-три месяца управимся.

– По Ангаре грузовые баржи до Иркутска ходят, к ним вам надо пристроиться или еще к кому.

– Я так и думал, а завтра надо на Енисей выйти и до Ангары как-то добираться.

– Пойдем берегом, дня за три доберемся.

– Берегом опасно.

– Почему?

– Кольша, у меня ведь никаких документов нет.

– Вообще никаких? – Кольша озабоченно нахмурился.

– Никаких. Все книги записей, что староста вел, сгорели еще тогда.

– Вот что, Петя, думаю, мы поторопились, нельзя, получается, нам вдвоем идти, – сказал Кольша. – Мне одному проще будет добраться. А тебе надо в районный центр топтать, в милицию. Надо документы получать, без них нынче никак нельзя, тебе сколь лет-то?

– Наверное, восемнадцать скоро будет.

– Вот и иди, и скажешь, что хочешь, как все люди, паспорт иметь гражданина СССР.

– А спросят, кто я такой, какой веры, что говорить?

– Про веру не спросят, а ты и не болтай. Скажи, родителей не помню, живу у брата сродного, фамилию его назови Иванов, а имя-отчество свои. Про родню, что в лагере сидит, не говори вообще никому ничего. Понял?

– Понял. Но итить туда страшно.

– Надо идти, Петька, иначе тебя в любом месте прищучат и тоже в лагерь, за колючую проволоку отправят. А я свое обещание сдержу, схожу куда надо и вернусь сюда, за тобой. В Тугач вместе пойдем, глядишь, и вытащим твоих. Договорились?

– Договорились.

Они пожали руки, и Кольша пошел собирать себе припас в дорогу. Инструмент и соль, что принес с собой, отдал Фролу, чему тот был несказанно рад.

Фантазии Евграфа Семеновича. 1948 год. Ленинград

Евграф Семенович с удовольствием гулял с палочкой от своего дома на Поварском переулке до Аничкова моста на Фонтанке и обратно. Его маршрут был неизменен много лет – Конюшенная, Владимирский, а потом Невский проспект, набережная Фонтанки, мимо библиотеки имени Маяковского и по Графскому переулку к себе домой. За два послевоенных года Ленинград почти был восстановлен, и это его искренне радовало. Он любовался чистым небом и крупными листьями каштанов, недавно высаженных в скверах библиотеки. В этом месте он всегда вспоминал о своем творении, которое просто спасло ему жизнь во время голода и холода блокады. Евграф Семенович писал. Вернее, записывал то, что ему приходило в голову неведомыми путями от неведомых ему и потому загадочных источников. Благодаря им он точно знал, что фашизму в Германии свернут голову, еще тогда, когда бомбы падали на эти вот улицы и танки вермахта стояли в пригородах Москвы. И ему не было тогда страшно за будущее народа-победителя. Он продолжал писать свою сверхфантастическую книгу, в которой герои жили значительно впереди того времени, в котором жил он сам. Таким образом, он как бы совершал путешествие во времени, но делал это не напрягая воображения, а через перо и бумагу, куда записывал те события, которые проживали созданные им герои. Удивительное было в том, что, когда герои его повествования вспоминали прошлое, они порой говорили о том самом времени, в котором и жил сейчас Евграф Семенович. И происходящее потом в точности соответствовало тому, о чем они говорили. Он много раз проверял это и убедился в достоверности приходящей ему информации. Ему стало очень интересно жить, ему просто захотелось жить, познавая мир будущего через свои записи. Каждое прикосновение его руки к перу приносило новые открытия. Вчера, например, он узнал, что именно наша страна запустила первого космонавта, именно наш космонавт первым вышел в открытый космос, и этим можно было гордиться, но этого еще не случилось фактически, и об этом знал только он один. Это не мешало ему иметь отличное настроение и улыбаться прохожим. Завершив прогулку приветственным поклоном колокольне Владимирского храма, в ответ на удар большого колокола, Евграф Семенович пришел в свою квартиру, совершенно освобожденную от мебели за годы блокады. Раздевшись в прихожей, он прошел в кухню, где, как всегда, наготове стояла свеча и все для писания. Он взял в руки ручку и, обмакнув в чернила, начал писать.

«После торжественного вручения Косте и Ольге дипломов об окончании курса пилотирования болидов вне галактического уровня, они получили трехдневный отпуск. Харис, их наставник по болидам, улыбнувшись, пожелал им на эти три дня совместного полета в счастье. Они приняли это предложение с удовольствием. Усталость брала свое, и уже не всегда их работа приносила им только радость и удовлетворение, а так быть не должно, особенно в их профессии. Они решили просто три дня побыть на море вдвоем, побаловать себя фруктами и морскими деликатесами. Улетев в одну из тысяч уединенных бухт, они действительно забыли обо всем, посвятив все свое время друг другу. Уютное бунгало в зелени тропических растений, чистое небо и прохладная вода, а главное, тишина и покой, нарушаемые только криком чаек и шумом прибоя, – вот то, о чем они мечтали. И конечно, они вдвоем, вместе на целых бесконечных трое суток. Однако забыться полностью у Кости не получалось. Та ситуация, в которой он оказался, была уникальна. Он – единственный человек с поверхности планеты, впервые за много тысячелетий существования цивилизации, целым и невредимым оказался во внутренней Земле. Люди, населяющие внутреннюю Землю, жили по совершенно другим традициям и правилам. Им было все известно о том, как живут люди мира, из которого он прибыл, и, несмотря ни на что, его приняли и, более того, сделали себе равным. И это не на словах, а на деле. Прекрасная представительница одного из древнейших родов стала его женой и сейчас, и всегда, была рядом с ним. Несколько лет назад он и представить себе не мог такого поворота

в своей судьбе, но это случилось, и изменить что-либо было невозможно. Костя и не хотел что-либо менять в своей судьбе. Он понимал: каждый человек рождается со своей миссией. Все, что с ним происходит в жизни, – результат его желаний, осознанных и неосознанных. О таком он и не мечтал, поскольку даже представить себе не мог, что его планета полая и основное население ее живет внутри, а не снаружи. Внутренняя земля изначально была наиболее приспособлена для жизни людей, надежно защищена от космических вторжений и катаклизмов. Но уйти тысячи лет назад с поверхности внутрь планеты смогли не все народы. Он потомок тех, кто остался, тех, кто, преодолев страшные, темные времена деградации и последовавшие потом засухи и наводнения, выжил на планете. Утраченные народами знания и традиции возвращались людям очень медленно, а иногда и не возвращались совсем, принимая новые формы морали, в основном направленные на угнетение и порабощение одними других. Действовал закон силы, закон денег, оставив далеко в недрах подсознания законы совести и любви. Борьба за выживание на планете среди народов, заселяющих ее поверхность, продолжается и по сей день. Именно борьба за выживание, а не за жизнь. Эта борьба разъединяет и разрушает то мироустройство, которое было задумано Создателем. Но, вероятно, по его воле жизнь на поверхности планеты, несмотря ни на что, сохранилась, а значит, в этом имеется какой-то его замысел».

Евграф Семенович положил ручку и задумался.

Кольша. Тайга

Утром, попрощавшись со всеми, Кольша с Арчи отправились в дорогу. Знакомая тропа и ясная цель впереди поднимали настроение. Они бодро и весело шагали, сбивая утреннюю росу и пугая стаи рябчиков на своем пути. Арчи, весь мокрый, носился, петляя впереди, лишь иногда останавливался, чтобы увидеть своего хозяина. Через три дня они уже подходили к знакомому селу. Каргино встретило их дружным лаем собак. Арчи рванул вперед, и, когда Кольша подходил к дому у околицы, хозяин уже ждал у калитки.

– Здравствуйте, Афанасий Михеевич, – поздоровался Кольша, слегка поклонившись старику.

– Здорово, Кольша, никак забыл чего, что так скоро вернулся?

– Да, есть разговор, – сказал Кольша, невольно поглядев во двор дома.

– Тогда проходи, Варька скоро будет, поужинаем и поговорим, – по-доброму ухмыльнувшись, пригласил старик. Видно, зацепила Варвара парня, когда только успела, виделись-то всего ничего.

Они прошли в дом, а Арчи метался по двору, вероятно наводя свой порядок, по крайней мере рыжему коту он быстро доказал, кто здесь хозяин.

Громкий веселый лай Арчи известил, что домой пришла Варвара. Она вошла в горницу, улыбнулась и поздоровалась. Ее глаза сияли, и она особо не скрывала своей радости. Пройдя к себе, она быстро вернулась на кухню и через несколько минут уже накрывала на стол.

– Надолго в наши края, Николай? – спросила Варвара, накладывая ему в чашку горячую отварную картошку.

– Навсегда, – твердо ответил Кольша, вглядываясь в ее лучистые глаза.

– Хорошо, – ответила девушка, и ее щеки налились румянцем.

Сердце Кольши замерло, он смотрел на девушку и чувствовал, что вот это и есть та самая, о которой он мечтал, та, за которую он готов умереть, если это будет надо. Вот, перед ним она, будущая мать его детей, та, ради которой он, наверное, и появился на этот свет, с которой хочет и готов идти дальше по этой жизни. Кольша чувствовал на себе ее обжигающий взгляд. Он, не касаясь, ощущал бархат ее кожи и нежность тела. Он не мог отвести от нее глаз. Варвара села напротив и внимательно смотрела, как он ест то, что она поставила на стол. Он ел с удовольствием, все было необычайно вкусно – и картошка, и грибочки соленые, и сметана. И Варвара, которая была так близко и смотрела на него любопытным и смешливым взглядом. Афанасий Михеич молча наблюдал за ними, и в душе у него стало тепло и спокойно. Вот и ладно будет, думалось ему. После еды Варвара ушла, обещав скоро вернуться, а Кольша с хозяином дома вышли на двор и, устроившись на завалинке, на уже закатном, бордовом солнышке, заговорили о деле.

– Как вижу, Варвара тебе по душе, чего же сватов не заслал?

– Афанасий Михеич, так некого засылать, деревни-то нет, один дом пока стоит – Фролка Иванов отстроился.

– Не знал, ну и как живут?

– Живут, жену себе привез, откуда-то с Тасея реки.

– То с Бурного, живут там наши, хороша девка?

– Справная хозяйка.

– Так что делать будем?

– Отдашь мне Варвару?

– Так она-то про то знат?

– Нет, когда мне было?

– Так спроби седни, ежли она не против, забирай, чего уж там.

– Хорошо, Афанасий Михеич, благодарю тебя сердечно, – улыбнулся Кольша.

– Пока рано благодарить, ну что, все дела?

– Нет, Михеич, не все. Петька Пургин своих родичей нашел, в лагере они сидят, мать и две сестры. Как тогда вывезли из тайги, кого захватили, так всем срока и определили. Тяжко им там, голод и холод, надо их до зимы выкупить.

– Это как?

– Говорят, можно выкупить за золото, фунт за душу.

– Не верится что-то, у этих дьяволов из-за колючей проволоки только на кладбище люди выходят.

– У одного из наших получилось, жену выкупил.

– Не знаю, пробуйте, только не спалитесь на этом сами. Там твое, с полфунта песка золотого в кисете, в целости, но ты ж его в приданое Варваре определил. Вот пойдет она за тебя – и кисет твой. А не пойдет, прости, ты свое слово дал, держать должен, – рассудительно и серьезно сказал старик. При этом он хитро поглядывал из-под лохматых бровей на Кольшу.

Кольша оторопел после таких слов. В его голове мелькнуло: что Варвара-то может подумать? Что он ее за этот кисет высватать хочет!

– Ты, Михеич, одно с другим не путай. Варвара – это Варвара, мне она и без приданого нужна, а людей спасать надо – это другой сказ.

– Дак я ей про то золото рассказал, она знат о своем приданом, как теперь?

– А вот мы ее и спросим, – решил Кольша, подумав, что от ее поведения и ответа будет все в его жизни теперь зависеть. Красива она, а что в голове у нее, он пока и не знает. Какое у нее сердце, какая душа, вот и ясно будет.

– Хорошо, – согласился старик, улыбаясь в бороду.

Варвара вернулась не скоро, поэтому Кольша успел слегка вздремнуть, а Арчи стогнал в деревню, где восстановил свои права жоака деревенской стаи. Ему это не просто далось, но лишний шрам не помеха настоящему псу. Кольша стоял у колодца в глубине двора, увидев Варвару, отчего-то вдруг голос потерял. Он хотел сразу подойти и спросить, пойдет ли она за него замуж. А тут с этим песком золотым, все как-то повернулось. Михеич, увидев Варвару, взял коня под узду и пошел в сторону реки.

– Пойду искупаю Ваську.

Варвара, вероятно почувствовав что-то, замедлила шаг и, увидев Кольшу, в дом не пошла, а подошла к нему.

– О чем думы думаете, Николай? – улыбнувшись, спросила она, глядя прямо в глаза Кольши.

Кольша не мог рта раскрыть от охватившего его вдруг волнения.

– Хочу спросить вас, Варвара, – наконец выдавил он из себя, краснея и не зная, что делать со своими руками.

– О чем? – сделав удивленный взгляд, чуть игриво спросила девушка.

– Вот если люди в беде и у тебя есть возможность им помочь, ты сможешь? – подбирая слова, медленно спросил Кольша, сделав, насколько мог, серьезное лицо.

Варвара ответила сразу, не раздумывая ни секунды:

– Конечно, а что случилось?

– Из нашей деревни люди в лагере сидят, и их можно выкупить за золото... – начал было Кольша.

– За золото? Где ж его взять-то, Николай? Хотя постой, у Михеича есть, он мне в приданое обещал... – Сказав, Варвара осеклась и замолчала. Затем, взглядывая в глаза Кольши, она спросила: – Тебе это золото нужно? Мне оно ни к чему, забери.

– Золото действительно нужно, двух сестер и мать моего друга из лагеря выкупить, но к вам я не только за этим шел. Жена мне нужна, хочу дом в своей деревне поставить, детей хочу, жить там хочу с тобой, – выпалил он вдруг и замолчал, краснея и отдуваясь.

– Все сказал? – тихо спросила Варвара.

– Нет, не все. Люба ты мне, как тогда тебя увидел, так о тебе все время и думал. Вот, теперь все.

Варвара стояла молча, потупив взгляд, перебирая пальцами кончики платка. Время остановилось. Казалось, весь мир замер. Даже Арчи, на кого-то лаявший, замолчал, подошел к Кольше и, подняв морду, уставился на молчавшую Варвару.

– Ну так что? Согласна ты за меня замуж пойти? – тихо спросил Кольша.

Варвара посмотрела на Кольшу, на Арчи и тихо ответила:

– Согласная я.

Кольша обнял девушку, которая почему-то вдруг заплакала навзрыд.

– Ты чего, люба моя? – шептал, успокаивая ее Кольша.

– А кто с Михеичем-то останется? – тоже шептала в ответ девушка.

– А мы его с собой заберем, – осенило Кольшу. – Как думаешь, согласится?

Варвара перестала реветь, утерла нос и глаза и, обведя взглядом все хозяйство, прошептала:

– Не знаю, а здесь-то что, бросать все?

– Дак продаст, и все дела. А там обзаведемся со временем, а, Варь?

Варвара вдруг прижалась к Кольше так, что он почувствовал ее упругую грудь, и оттого совсем потерял голову. Он обнимал и целовал ее волосы, щеки, наконец, нашел ее губы, и они замерли в поцелуе, испытывая незнакомое еще им обоим состояние. Вероятно, они не остановились бы на этом, настолько сильно закипела страсть в молодых телах, но цокот кованых копыт по деревянному настилу остановил их. Михеич краем глаза глянул на них и спросил:

– Ну что, молодежь? Вижу, поладили меж собой? Али нет?

– Афанасий Михеич, прошу, благослови нас как отец, нет ведь у нас никого ближе, – с волнением, медленно проговорил Кольша, держа Варвару за руку.

Варвара стояла опустив глаза, вся зарделась от прихлынувшей крови и волнения.

– А ты что, дочка, скажешь? Согласна за него пойти?

– Согласна, – тихо ответила Варвара, счастливо улыбнувшись.

– Ну, значит, и быть тому, благословляю вас, дети мои, живите долго и счастливо, – сказал Михеич и перекрестил двумя перстами вставших на колени молодых. – По осени свадьбу и сыграем, так, что ли, Кольша? Дом-то успеешь к тому времени поставить али подсобить?

– Подсобить не помешает, Афанасий Михеич, рад буду. Только все одно не поспею с домом, сам понимаешь, сруб отстоять, осесть должен, а его еще вообще нет.

– А что ж ты девку замуж позвал, коли дома еще нет? Не правильно это, не по обычаю. Вот дом поставишь, тогда и за Варварой приходи. На том весь сказ.

Кольша понимал, что старик прав. Дом не поставил, куда невесту приведешь? Он это сызмальства, от отца своего знал. Мужик должен дом поставить, чтобы женщину в него привести, в свой дом, своими руками строенный. Тогда он настоящий хозяин в доме и глава семьи, и нет в том ни у кого сомнений. Так должно быть, и так будет.

– Да, согласный я с вами, значит, свадьбу на следующую осень назначаем, а пока дела мне надо кое-какие завершить, – сказал Кольша, потупив взор.

– Это какие такие дела у тебя появились? – вдруг встрепенулась невеста. – Я про тебя теперь все хочу знать.

Кольша глянул на Варю, и она смолкла, опустив лукавый взгляд.

– Ладно, решено. Вы тут поворкуйте, токмо без глупостей, а я пойду покемарю, устал немного. Кольша, Ваську поставь вон туда, на ветерок, и стреножь, а то убредет в тайгу, ищи его потом.

Кольша взял коня и, улыбнувшись Варю, повел его в дальний конец двора. Афанасий Михеич направился было в дом, а потом вернулся и, взяв Варвару за руку, увел ее с собой. Они недолго о чем-то беседовали, после чего девушка вышла из дома с корзинкой в руках и котомкой за плечом и направилась в сторону деревни. Кольша догнал ее уже за воротами.

– Варь, ты надолго?

– Кольша, дорогой, Афанасий Михеич велел к родне сходить, помочь по хозяйству, обещал он им, – ответила она.

– Надолго? – переспросил Кольша, уже наверняка знавший ответ.

– Как управлюсь, – ответила Варя, опустив глаза.

– Ты меня жди обязательно, осенью вернусь и тебя заберу.

– Какой осенью, следующей? – чуть не плача, спросила Варя.

– Нет, не следующей, а этой. Я все решу с домом, я его куплю срубом, и перевезем куда надо. – Он смотрел Варю в глаза. – Веришь?

– Верю, – сквозь навернувшиеся слезы ответила девушка.

– Можно я тебя поцелую? – закончив говорить, несмело спросил Кольша.

– Можно, – прошептали ее губы. И Кольша обнял Варвару.

Только они расстались, Афанасий Михеич позвал Кольшу в дом. Кольша, войдя, услышал:

– Поди сюда, жених, проходи, вот располагайся, здесь спать будешь. А Варька никуда не денется, будет тебя ждать, а пока пусть поживет у родни, от греха подале. Ты надолго у меня останешься?

– Зря вы так, Михеич, – вздохнув, сказал Кольша и ответил: – Завтра уйду, дел много.

– Мне видней, зря аль нет. Делай дела да возвертайся за невестой своей, только дом чтоб был. А песок золотой забирай, коль нужда в том есть. Варвара сама мне про то сказала. Вот так вот.

– Мне сначала надо в одно место наведаться, а оно не близко. Вернусь, тогда и заберу, если хватать не будет.

– Так ты в тайгу? За золотом? Смотри, Кольша, будь осторожен, не оплошай. Сейчас туда много народа разного подалось, и все хотят разбогатеть. Все через нашу деревню идут, разные люди, ох разные, – покачал он головой и нахмурил брови.

– Михеич, я ж в тайге вырос, – улыбнулся старику Кольша.

«В том-то и дело, что ты в тайге вырос...» – подумал Михеич.

Через неделю Кольша уже подъезжал к Иркутску, поезд ехал медленно со всеми мало-мальскими станциями и полустанками, где можно было выйти из прокуренного вагона, подышать свежим воздухом, купить кедрового ореха или картошки с соленой рыбехой.

Дважды милиция проверяла документы, пристально всматриваясь в лица пассажиров. У Кольши с документами был полный порядок, но, когда сверлили этим взглядом, даже ему становилось как-то нехорошо. Люди смолкли, и какое-то время после проверки ехали молча. Не смолкало только радио, крутившее песни Руслановой и Утесова, отчего на сердце у людей становилось действительно легко или, правильнее сказать, легче, потому что легко вряд ли кому было в эти послевоенные годы. Еще горевали вдовы, не забывшие своих мужей, еще ждали, надеясь на чудо, пропавших без вести. Война еще не закончилась в душах фронтовиков, просыпавшихся от страшных снов и боли ран. Кольше нравилось ехать в этом поезде: много разных людей, интересных разговоров и новых коротких, но насыщенных жизнью знакомств. Но вот скоро и Иркутск, а дальше только его ноги должны привести туда, где, по рассказу его друга и наставника Степана Макушева, лежит золото, кем-то сокрытое от глаз людских в дав-

ние времена. Кольша лежал на полке и вспоминал то время, когда Степан рассказал ему про это золото. Не так давно это было, а кажется, с тех дней прошла целая вечность, настолько это было далеко от этих мест и необычно. Иногда Кольше казалось, что те события ему приснились, что на самом деле их не было вообще. Но шрамы на его теле говорили, что это было.

Можно с уверенностью сказать, что на войне ему повезло. Побывав в самом пекле Сталинградской битвы, благодаря своему другу и командиру, он выжил. И остался жив, несмотря на то что попал в плен к немцам и был отвезен на непонятную и не известную никому до сих пор, далекую землю. Фашисты называли ее Новая Швабия, а те, кого туда привезли для рабства, – проклятым раем. Кольша смог сбежать от охраны, прыгнув в бурную холодную реку, едва уцелев от зубов огромной рыбы, он выбрался на берег и спрятался. Его почти не искали, посчитав, что погиб. Из этой реки живым не выходил никто. А он ушел и долгое время выживал один в горах, а потом случилось чудо. Кольша встретил своих, советских разведчиков, проникших в эту занятую немцами новую землю, и только благодаря им вернулся на родину. Возвращение было непростым. Так уж случилось, подводная лодка, на которой они уходили от фашистов ледовым тоннелем, шла практически вслепую на самом малом ходу. Десятки раз корпус корабля трещал от ударов о стены тоннеля. Они могли погибнуть в толщах льда в любую минуту, но лодка прошла маршрут и вышла на поверхность. Все понимали, что это было равносильно второму рождению. Но это еще не все. До территориальных вод, где можно было встретить хоть какое-то советское судно, были тысячи миль. А топлива и продуктов на лодке было максимум на неделю хода. Вот тогда капитан и принял решение спасти оставшихся моряков и Кольшу в том числе, высадившись на ближайшей земле, куда сможет прийти их израненный ледовым переходом подводный корабль. До Большой земли не дошли, кое-как дотянули до островов. В бухту одного из них, из-за ревущего непрерывно шторма, с большим трудом вошли.

Остров оказался необитаем, но на берегу под скалами было нечто похожее на дом. Лачуга, собранная из обломков какого-то старого корабля, смогла вместить почти весь экипаж, но что делать дальше, никто не знал. Рация какое-то время работала, но их никто не слышал, надежда на связь себя не оправдала. Кроме мха и травы, на острове ничего не росло. Ни одного деревца, ни кустика. Голо и дико на нескольких квадратных километрах скал, окруженных постоянно ревущим океаном. Единственное, что было на острове в изобилии, – это пингвины и тюлени. Они совсем не боялись людей. Их, однако, было жаль, но голод заставил использовать их в пищу. Кольша тоже ел это жирное мясо, по вкусу чем-то похожее на куриное. Яйца пингвинов он, как ни пытался, заставить себя есть не смог. Красный желток и прозрачный белок вареного пингвиньего яйца отбивали у него весь аппетит. Нужно было как-то поддерживать огонь, но кроме мха на острове не было ничего, а наступали холода. Собирали по берегам после штормов водоросли, утепляли, как могли, лачугу. Убили несколько тюленей, их жиром топили единственную буржуйку. Лодка на якорях стояла недалеко от берега. Вахту на ней уже не несли, не было сил и смысла. Степан Макушев, здоровенный капитан разведгруппы, еще раньше стал по-отечески опекать Кольшу. Теперь они проводили вместе целые дни, научились рыбачить. Макушев тоже был сибиряк, из Забайкалья, им было о чем поговорить, вспоминая таежные просторы, изрезанные вдоль и поперек многочисленными реками с чистой холодной водой. Пресной водой, вкусной и сытной, а не такой, что им приходилось пить теперь, – ледниковой водой. Благо, конечно, что хоть она была. Кольша уже не помнил, сколько времени они были на этом острове, он дней не считал, но однажды пришло небольшое судно. Как понял Кольша, это были рыбаки из Аргентины, они оставили нашим на берегу немного муки, соли, после чего ушли, пообещав обязательно вернуться.

Однажды Макушев, как всегда, позвал Кольшу прогуляться к скалам. Они ушли довольно далеко, уютно устроились под скалой, насобирав мха и травы, устроили небольшой костер. Макушев, вспоминая прошлое, рассказал Кольше о том, что в забайкальской тайге на

берегу одной из рек есть похожая скала, а под ней пещера, в которой с давних времен сокрыто царское золото. Макушев очень подробно рассказал Кольше, как найти эту речку и пещеру.

– Зачем ты рассказал мне про это? – спросил он Макушева.

– Знаешь, Кольша, мне когда-то про эту пещеру рассказал мой друг. Его звали Вангол. Он недавно погиб, геройски погиб, защищая родину. Так вот я его тоже спросил, зачем мне об этом рассказал. Тогда он мне ответил так: вдруг когда-нибудь на доброе дело те ценности понадобятся. Вот и я думаю, мне не сгодились, так, может, тебе потребуются, вот и весь сказ. А именно тебе почему рассказал? Так потому, что уверен в тебе, после того, что мы повидали, ты на злое дело не способен. Сердце в тебе доброе и храброе, парень, береги его, – ответил ему разведчик, взъерошив огромной своей ладонью волосы на голове мальчишки, и сказал, грустно улыбувшись: – Ты обязательно должен выжить, выбраться домой, в Сибирь, и поклон от меня ей передать, а о том, где был и что видел, никому не говори, никому и ничего, понял?

– Почему?

– Если об этом узнают, начнутся поиски, а там, насколько мне известно, такая беда для всего рода людского сокрыта, не приведи господи ее открыть. Понимаешь? Слово мне дай, что нигде и никогда не расскажешь о том, где был и что видел.

– Даю слово, не буду о том говорить никогда и никому, – сказал Кольша.

– Вот и хорошо, выберешься отсюда, вернешься домой и заживешь, как все люди, счастливо и спокойно.

– Вместе выберемся, дядя Степан, – ответил тогда Кольша.

Он и не подозревал, что Макушев уже тогда понимал, что с этого острова уйти живым ему, как и многим, не удастся. Холод и цинга постепенно начали убивать людей. Общим решением экипажа подлодку вывели из лагуны и затопили. Когда рыбацкое судно вернулось, на острове в живых осталось половина экипажа. Макушев умер за два дня до их прихода. Все остальные были очень больны и слабы. Кольша держался, его молодой организм еще был крепок, он помогал всем до последнего дня.

Аргентинские моряки забрали на борт выживших и вывезли с острова. В порту Кольша ускользнул от встречавших судно полицейских. Не понравились они ему. Так Кольша оказался на побережье Южной Америки. Он неплохо знал немецкий язык, и это очень ему помогло. На одном из немецких сухогрузов он устроился помощником кока на камбуз и таким образом переправился в Португалию.

Потом, пройдя пешком почти всю Европу, добрался до Варшавы. Здесь в январе 1944 года через польское Сопротивление его переправили в партизанский отряд, действовавший в Западной Белоруссии. Когда его привели к командиру, он рассказал, как в Сталинграде его схватили и вывезли в Германию. Работал как раб на немецких плантациях, откуда сбежал, и теперь готов бить фашистов.

Он практически нигде не соврал, и ему поверили, взяли в отряд. Очень нужны были люди со знанием немецкого языка. В отряде он доказал, что не только хорошо знает немецкий язык, но и метко стреляет. Когда в конце сорок четвертого года отряд вливался в Красную армию, он уже был снайпером, на счету которого было пятнадцать фашистов. На вид, никто не сомневался, что ему уже восемнадцать лет, так он стал по документам на два года старше.

Войну Кольша закончил в Берлине, где опять же благодаря знанию немецкого еще два года служил в комендатуре. По демобилизации, конечно, поехал на родину, в Сибирь, и вот теперь снова в дороге. Кольша помнил все, но помнил и наказ Макушева никому о том не рассказывать, поэтому и молчал о Новой Швабии. К чему эти воспоминания, когда беда, накрывшая их деревню во время войны, до сих пор кровоточит. По лагерям сидят люди просто за то, что жили в тайге, не зная и не ведая о том мире, в котором уже много лет жила Россия. Их надо было вызволять из неволи любой ценой. Если для того нужно было золото, Кольша готов

был его добыть там, где оно, по словам Макушева, лежало, ожидая своего назначения. Кольша думал, что Макушев, будь он жив, в этом согласился бы с ним.

Кольша уже был собран, когда показался перрон вокзала, и, поблагодарив за чай проводницу вагона, легко спрыгнул на землю и прошел через толпу встречающих-проводящих. Он знал, его никто не встречает – некому. Пополнив в магазине свои запасы хлебом, солью и спичками, Кольша к вечеру уже шел тайгой по маршруту, рассказанному когда-то Степаном Макушевым. Все бы ничего, только шел Кольша без оружия, а уже на следующий день после ночевки увидел свежие медвежьи следы. Медведица и медвежонок подошли к его ночлегу по берегу ручья. Не тронули его, спящего у затухающего костра. Кольша решил больше не испытывать судьбу и принялся за работу. Несколько часов ушло на поиск нужной древесины для лука и стрел. К вечеру он уже натянул тетиву и выпустил для пробы первую стрелу в поваленный ураганом ствол сосны. Метров с двадцати он попал точно в середину. Получилось неплохо, кованые наконечники для стрел, припасенные Кольшей еще с довоенного времени, сгодились как нельзя лучше. Лук и короткое, как посох, копьё вселили в него уверенность. Этим же вечером ему удалось подстрелить рябчика, и совсем стало жить весело. Жаль, Арчи пришлось оставить в деревне у Михеича. Опять на цепь посадили. Как он плакал! Кольша пообещал ему вернуться и уже забрать навсегда. Арчи, конечно, поверил...

Забайкальская тайга, куда он вышел через несколько дней, отличалась от енисейской только разве что количеством дичи. Глухаря и тетерева было не просто много, очень много. Как только он углубился в тайгу, уйдя от последнего населенного пункта, дикая природа предстала перед ним во всей красе и многообразии. В этих краях еще не валили лес, и он стоял, подпирая кронами синие небеса, как сто и тысячу лет назад. Реки, не тронутые драгами, струили свою воду в великое священное море Байкал, наполняя его чистотой и свежестью. Рыбеха плескала в заводях, глухари бродили по песчаным косам, всем было привольно и спокойно, пока не вторгнулся туда человек. Нету опаснее в тайге зверя. Кольша не был исключением, разве что бил дичь не для развлечения и азарта, а для пропитания своего. Не более того.

Он хорошо запомнил рассказ Макушева о том, как добраться до той реки, как найти пещеру, но Макушев ничего не сказал ему про предупреждение Вангола о том, что пещера не простая. Может быть, потому, что сомневался, что Кольша ее найдет, а может быть, он сам про то не поверил Ванголу. Так или иначе, Кольша ничего об этой пещере не знал, когда вышел к той незаметной таежной речке. Лошадиная голова, вырубленная когда-то из огромного корневища, была цела, чуть покосилась, почернела от времени, но от того еще страшнее стала. Кольша пришел к скале и за замшелым валуном увидел темную дыру входа в пещеру. Судя по всему, много лет здесь не ступала нога человека, да и звери не натоптали троп у этого места. Кольша решил заночевать, а с утра уже заняться пещерой. Он, как всегда, заготовил на ночь дров, пару сухих крупных валежин уложил по ветру, настелил лапника и как раз чиркнул спичкой, чтобы запалить кусок бересты для костра, как что-то его остановило. Он прислушался. Где-то рядом он услышал шум. Кто-то шел по тайге, вероятно, берегом речки. Плеск воды и скрип речной гальки под ногами свидетельствовали об этом. Уже были сумерки, совсем скоро стемнеет, и Кольша понимал, что те, кто шел, должны были вот-вот остановиться на ночлег. Хорошо, что не успел разжечь костер, подумал Кольша, затаившись. Ему сейчас необходимо быть одному. Шум шагов постепенно стих, он услышал голоса.

– Здесь станем, скоро совсем стемнеет. Давайте дровишек на костер пособирам, пока ишо видно.

– Сухарь, воды черпани в котелок для чая.

– Далеко еще идти? Ты, Леший, сказывал, седня доберемся.

– Дак мы и добрались, здесь это рядом совсем, утром проведу прямо к входу.

– Эт хорошо, а то уже ног не чую...

Кольша по голосам понял, что пришли четверо. Один из них пожилой человек, тот, что их привел. Трое других взрослые мужики, судя по разговорам, люди не таежные, скорее всего, городские. Кольша таких в партизанском отряде насмотрелся, гонористые, а костра в дождь разжечь не смогут. Кто же они, чего им надо, неужели тоже пришли за золотом в пещеру? Макушев говорил, что о ней никто больше не знает. Видно, ошибался капитан. Кольша осторожно, стараясь не шуметь, собрал нарубленный лапник и унес в ложбинку подальше от пещеры. Там же среди больших камней и решил переночевать, но уже без костра, хорошо, было чего пожевать из солонины сушеной. Устроившись поудобней, он быстро уснул, понимая, что придется встать рано и посмотреть на пришедших поближе. Еще до рассвета Кольша проснулся. Осторожно, как на охоте, вооруженный луком, он стал подходить к месту, где спали, у еще дымящего костра, люди. В отблесках вдруг вспыхнувшего на мгновение пламени он увидел троих спящих рядом мужиков. Судя по одинаковым кирзовым сапогам, они были военные. Рядом, небольшой пирамидкой, стояли три карабина и лежали вещмешки. Около стоявшей рядом листовяжины спал в полусидячем положении худощавый бородатый старик. Сначала Кольша не разглядел, а потом увидел, что старик-то был прикован цепью к дереву. Одна рука его полувисела, скованная наручником. Он спал, тяжело дыша и постанывая.

Кольша, не ожидавший такого, отполз подальше от этого стойбища и попытался понять, что бы это означало и что ему делать. Первое, что приходило на ум, – надо освободить этого деда. Как бы там ни было, а держать человека связанным неправильно. И делать это надо было сейчас, пока те трое спят. Кольша быстро вернулся к костру, в первую очередь забрал стоявшие карабины и отнес их в сторону, припрятав во мху. Один карабин оставил себе и вернулся уже к старику. Он взял тонкую веточку и провел ею по лбу спящего человека. Тот дрогнул бровями и рукой провел по лицу. Кольша повторил, и дед медленно открыл глаза. Перед ним, склонившись в упор, сидел Кольша, приложив палец к губам. Старик удивленно вскинул свои лохматые брови и вытаращил глаза. Кольша еще раз показал ему, что тот должен молчать. Вытащив из кармана большую булавку, Кольша ловко открыл наручник, чем еще раз удивил деда. Те трое продолжали спать, спокойно похрапывая у тлеющего костра. Кольша вместе с дедом, осторожно ступая, ушли, по пути прихватив карабины, старик забрал и свой вещмешок.

Поднявшись на сопку километра на полтора, они встретили рассвет и, наконец, заговорили.

– Ты, малец, кто такой будешь? Не ангел-хранитель, случай? Ась?

– Не, дедушка, я не ангел, я Кольша, а вот вы кто и чего вас, как собаку, эти мужики на привязи держали?

– И не говори, сынок, попал я с ними в переделку... Расскажу на досуге. Не знаю, благодарить мне тебя аль нет. Но это потом. А сейчас-то чего делать будем? Они ж проснутся, а меня и оружия нет. Они ж искать кинутся! А мы рядом, а ежли нагонят, ты, сынок, их что, стрелять будешь?

– Вы сначала скажите, кто вы и кто они и зачем сюда пришли?

– Дак некогда лясы разводить, уходить надоть подале, а там уж и расскажу... – как-то забежав глазами, засуетился старик. Это очень не понравилось Кольше. Он в упор посмотрел на старика, заставив его замолчать.

– Нет, так дело не пойдет. Рассказывай, дед, кто вы такие и зачем сюда пожаловали, – твердо спросил Кольша, при этом он дослал патрон в ствол карабина, привычно передернув затвор.

Старик как-то сник, закрыл лицо руками и некоторое время молчал. Потом убрал руки, и Кольша увидел глаза, взгляд которых был наполнен одновременно страхом и какой-то животной злобой. Взгляд был настолько безжалостен, что Кольша машинально направил ствол карабина прямо в лицо этого человека.

– Не балуй, парень, ружьем-то, я тебе живым боле нужен, чем покойником, – прошептал старик.

– Говори, дед, я тебя слушаю, – сказал Кольша, не опуская карабина.

– Хорошо, слушай, – ответил старик. – Давно началась эта история, еще в Гражданскую войну, когда большевики царя-батюшку погубили. Я тогда молодой был, служил в казачьей сотне, и был мне сотник наш, как отец родной. А звали его Петр Петрович Сысоев. Так вот, в конце девятнадцатого года, зимой, перед тем как чехи сдали адмирала Колчака красным в Иркутске, наш сотник получил последний приказ адмирала – спасти золотой запас. Отбить у чехов эшелон с золотом. Но выполнить его мы не смогли, чехи не дали, мы сумели только один вагон отцепить и перегрузить на лошадей, и то не все. Но что смогли, вывезли вот в эти места и спрятали. Мало кто из наших отсюда живым ноги унес. Всех почти неведомая сила на тот свет напрямик отправила. Всех, кто в пещеру ходил, прибрала, а мне свезло тогда. Петр Петрович меня на охоту определил; пока все ящики да торбы с золотом таскали, я по рябчиков пошел. Хорошо я их стрелял тогда, манок у меня был из гильзы револьверной, вот он меня и отправил, заодно и дорогу посмотреть, как дале двигаться. А когда я вернулся, спужался сильно, молодой совсем был. Бес в казаков вселился. Стреляли друг в друга, шашками рубали, я и убег тогда в тайгу. Долго плутал, пока к железной дороге вышел. А вышел – чуть красным в лапы не угодил, еле отбился, отлежался в тайге, и, слава богу, казачки атамана Семенова на меня вышли. Вот с ними я и ушел в Манжурию, потом в Китай, потом аж во Франции оказался. Веришь?

– Говори дальше. Верю я тебе, ничего необычного ты не сказал, но ты пока ничего и не ответил на мой вопрос, – спокойно ответил Кольша.

– Так вот, – продолжил старик. – Никому я про это не рассказывал все эти годы, клятву мы все дали, еще когда везли это золото. На кресте поклялись молчать про то. Когда немцы на Францию напали, я пошел на войну, записался добровольцем и в первом же бою угодил в плен. Контузило меня во время артобстрела, когда очнулся, наши уже отступили, и немчура вокруг. Шесть лет в лагере военнопленных работал на угольной шахте в Силезии, пока русские не освободили. А освободили – и на допрос. Выяснилось мое белогвардейское прошлое, я и не скрывал ничего, я же давно гражданин Франции, а меня в эшелон и в лагерь, в Сибирь родную. Вот так вот. – Старик замолчал, покачивая головой.

– И что с того? – спросил Кольша.

– А то, что я не хочу помирать в лагере, как собака бездомная. У меня во Франции жена и двое детей, уже взрослые, поди, внуки уже есть, а я тут! – В глазах старика вновь зажглась ненависть. – Вот те трое, что остались у костра, пообещали мне за золото это свободу и возвращение во Францию, понял ты? Да, они меня, как собаку, на привязи держат, потому как я зэк, а они вертухаи лагерные. Вот я дурень! А теперь что будет? Зачем ты меня увел? Веди назад!

– Поздно. Они уже проснулись и готовы тебе, дедушка, голову оторвать. Неужели ты им поверил про свободу? Я еще вчера слышал, как они про тебя говорили. Когда ты по дрова для их костра пошел. Тот, который Сухарь, сказал – скорей бы тебе башку свернуть, надоело тащиться за тобой. Другой ответил – покажет место, и в расход. Так что зря ты на меня серчаешь. Лучше скажи, как тебя величать, а то неудобно как-то. Вы человек пожилой, а я не знаю, как к вам обращаться. Не Леший же, как вас те кликали.

– Можешь и так называть, я уж привык, а вообще-то я Алексей Алексеевич Духов, потомственный кубанский казак, – ответил старик и молча заплакал. Слезы скатывались по его щекам, прячась в бороду.

Кольша смотрел на него, и ком подступал к горлу. Вспомнил он своих родичей, стариков и старух, сгоревших заживо тогда в деревне.

– Ладно, все ясно, уходим, Лексеич, надо подальше отойти от твоих друзей. Не ровен час, найдут нас, не хочу грех лишний на душу брать, – сказал Кольша, поднимаясь.

– Ну коль они так решили, тогда мне ходу назад нету и Бог меня простит за их постылые душонки. Я, парень, столь натерпелся, столь видел, что тебе и не снилось.

Они поднялись по склону и пошли в пойму другого ручья, не оборачиваясь назад. Кольша бы почувял погоню, но ее не было.

– Ах, сука! Ушел, гад! Ушел Леший! Как он мог наручник расстегнуть?! – орал Гаврила Сухарев, бегая туда-сюда около затухшего костра.

Двое других, продрав глаза, не сразу поняли, о чем он орет.

– Как ушел, когда? – закричал уже другой, вероятно, старший в группе. – Да я вас сгною, Ширшов, ты же должен был охранять его с четырех утра! Ты чё, под трибунал захотел? Найти! Догнать! Смотрите следы, куда он, доходяга, денется, далеко не уйдет! А где оружие? – и тут последовал такой отборный мат, что местные деревья, наверное, готовы были бы от стыда сбросить листву. – Он не мог уволочь три карабина! Ищите, он их где-то здесь спрятал!

Часа два они искали оружие вокруг, затем, собравшись у костра, долго молчали.

– Что делать будем, товарищ лейтенант?

– Не знаю, следы этого Лешего видел кто?

– Нет. Наверное, он в обратную подался, путь-то отсюда один, к железке, там его, гада, перехватывать надо...

– Твою мать, почти десять ден сюда добирались, чтобы отсюда несолоно хлебавши назад топать, а если этого Лешака не перехватим, еще и под трибунал? Нет. Надо его догнать и задачу, поставленную нам, выполнить. Хрен с ними, с этими карабинами, его найдем – и оружие найдем. Давайте еще раз внимательно по кругу, где еще не затоптано! Вперед!

Еще через час Сухарь крикнул своим:

– Здесь, здесь следы, сюда он ушел, вот смотрите!

Через четыре часа скорого хода по тайге они вышли к берегу ручья, где следы терялись в воде.

– Вот и все! Теперь мы его уже не сыщем. Куда идти? Туда али туда? Эх, собак нет!

– Теперь мы с вами вместо собак. Если не найдем этого Лешего, мы еще лагерным псам завидовать будем! – Отдышавшись, старший скомандовал: – Разделяемся и по ручью – я вверх, вы вниз, если через час следов не находим, возвращаемся сюда же. Если не вернулся, значит, нашел след и ждешь остальных. Ясно?

– Ясно, пожрать бы...

– Пожрешь, когда найдем, вперед!

Прошло больше двух часов, когда они вновь встретились. По усталым и злым лицам было видно – следов не нашли, да и откуда им взяться, если Кольша и старик давно уже были у них за спиной. Схоронившись в укромном месте, они просто выжидали, когда их преследователи, потеряв всякую надежду, уйдут. Кольша, хорошо спрятав оружие, с одним луком, осторожно следил за конвоирами, которые все никак не могли понять, куда делся их проводник. Следов в тайге читать они не умели, потому и не догадались о том, что с их подопечным случилось. Наступил вечер, они вернулись к своей стоянке. Кольша смог незаметно подобраться и хорошо слышал, о чем они говорили.

– Сейчас перекус и спать. Рано утром уходим. Надо успеть перехватить его. Он не сможет двигаться быстрее нас. Догоним. Дыхла ему не хватит.

– А если он не ушел? Если здесь затаился и ждет, когда мы уйдем, ему же золотишко надо взять, чтобы жить как-то.

– Ты думаешь, он про золото правду говорил? А если это была красивая сказка, на которую наш хозяин купился? Что мы ему скажем? Убег Леший, обвел нас и его вокруг пальца?

– Даже если и так, этого гада надо догнать и шлепнуть. Потому как, если его другие наши заметут, тогда нам всем крышка.

– Он сказал, что мы рядом совсем, может быть, посмотрим окрест да и найдем ту дыру в скале, может, и он там отсиживается. А, командир?

– Пока ходили, я поглядывал, этих скалок и камней здесь немерено. Но входа в подземелье не заметил. Может, он и не соврал, для чего было в такую даль забираться? При желании он бы и раньше убежал, коль с наручником мог справиться. Что-то не так здесь. Прав ты, Сухарь, надо здесь все тщательно посмотреть, вдруг найдем золото. Тогда все проще будет, выйдем к железке, сообщим о побеге с этапа. Куда ему деться, найдут и к нам же и доставят. Риск, конечно, есть, но, если золото царское найдем, нам все спишется. Все, решено, завтра с утра все здесь осмотреть, шмон по полной программе, ясно?

– Так точно, если есть здесь пещера, найдем.

Этой ночью Кольша расспросил подробнее Алексеича о том, что за договоренность у него была с хозяином, так называли начальника лагеря. Оказалось, все просто. Алексеич сам напросился на прием к хозяину и рассказал о золоте, спрятанном в пещере. Тот сначала не поверил, а через неделю вызвал и спросил, сможет ли он показать место. Старик согласился при условии, что его после этого выпустят на свободу с документами на выезд из СССР. Хозяин, начальник лагеря, полковник, пообещал, и Алексеича сразу перевели в больничку, где он две недели набирался сил на усиленном пайке, а потом его переодели, и он, вместе с тремя вертухаями, отправился в дорогу. Официально его якобы конвоировали на допрос в Иркутск, фактически же он должен привести сопровождавших к месту, где, по его словам, спрятано золото. Если все произошло бы так, его возвращали в лагерь и освобождали. Он поверил, да и выхода другого у него просто не было. А в сопровождение ему определили троих самых преданных хозяину надсмотрщиков. Лейтенант МГБ Медведев, по поручению начальника, возглавил группу. О нем в лагере ходила слава палача и убийцы. Лейтенант любил исполнять расстрелы, убивал при попытке к бегству, причем убивал не сразу. Стрелял в ногу и спрашивал зэка – тебе больно? Затем стрелял во вторую ногу и снова спрашивал, и только потом добивал истекающих кровью людей выстрелом в лоб. При этом смотрел им в глаза. Сержант Сухарев был его подручным и мало чем отличался от лейтенанта. Он, по его команде, заставлял заключенного имитировать попытку побега. Сорвет шапку с головы зэка и бросит в сторону, в сугроб. Тот за шапкой, а ему в спину лейтенант из нагана – при попытке к бегству. В ужасе держали они бригады, с которыми выходили на работы в тайгу. Третий, старшина Ширшов, был абсолютно тупым, но здоровым от природы и исполнительным служакой. Выносливый и молчаливый, он мог работать как лошадь, пока не упадет. Старшина был лично предан своему командиру лейтенанту Медведеву, потому что именно Медведев женат на его дочери. Но отношения между ними никогда не выходили за рамки служебных.

Рассказывая о себе, Алексей Алексеевич ничего уже не утаивал. Он понимал, что жизнь его сейчас зависит от простой случайности, от этого молодого парня, невесть как набредшего на них в этой глухой тайге. Ему показалось странным только одно: Кольша никак не отреагировал на его рассказ о сокрытом здесь золоте. Как будто знал об этом.

– Извини, мил человек, а сам-то ты зачем здесь объявился? – спросил он Кольшу.

– За золотом пришел, да на вас наткнулся, – прямо ответил Кольша.

– Вот те на! – удивился старик столь прямому ответу. – А ты откуда про это знаешь?

– Мне про это мой друг рассказал, считай перед смертью, тоже, кстати, казак был, Макушев Степан.

– Не помню такого, в нашей сотне его точно не было, я всех наших станичников знал. Значит, про эту пещеру еще кто-то прознал, не все тайну сберегли, как и я, грешный...

– Да, Алексеич, теперь про это золото все узнают. Они не уйдут. Они решили искать завтра вход в пещеру. А он совсем с ними рядом. Просто внимательно осмотрят скалу, что чуть выше их стоянки, и все. Так ведь?

– Так, так, – кивнул старик.

– Надо что-то до утра сделать, а что, если честно, я не знаю.

– Может, поубивать их, гадов, у них оружия-то нет. Только один наган у Медведева.

Кольша посмотрел на старика.

– Я людей убивать не буду, война давно кончилась.

– Это для тебя, парень, она кончилась, а для меня нет. Видел бы ты, что они с людьми в лагерях делают. Я сидел в концлагере у немцев, а теперь здесь. Так вот у немцев хоть понятно было, за что ненавидят, а и то легче приходилось. Там плохо, но кормили, чтобы силы для работы были. А здесь кормят такой баландой, чтобы скорее сдохли. Норму не выполнил – вообще полпайка долой. Слово не так сказал – в кандей на хлеб и воду, и то не каждый день! Народ в лагерях мрет, а им хоть бы что!

Старик помолчал, горестно покачивая головой, и продолжил:

– Все время думаю, за что русский русского в могилу загоняет? И не просто загоняет. С какой-то звериной ненавистью мучает. Надели на него форму, дали в руки винтовку, и превращается он в изверга. А отличается-то чем? Он с одной стороны колючки, а я с другой... Что за времена такие настали, русских людей, казаков, что испокон веков за Россию кровь проливали, предателями сделав, изничтожили под корень. Я в один эшелон с казаками попал, с теми, которых в сорок пятом году, летом, под Линцем, англичане советским войскам «передали». Представляешь, парень, сопротивляясь англичанам, отказываясь грузиться в машины, казаки, их несколько тысяч было, встали в огромный круг, старики, женщины, дети в серединку. Сцепили руки и запели молитвы, а солдаты английские просто открыли по ним огонь, а потом стали давить танками. И живых, и мертвых, и женщин, и детей. Всех подряд, убитых, раненых, грузили в машины и увозили на станцию, где перегружали в вагоны. Представляешь, всех – убитых и раненых – в одни вагоны, под пломбы, и на советскую сторону. Уцелело несколько сотен, те, кто ранен был и чудом выжил. А это же русские люди... – Старик смахнул слезу и опустил голову. Он долго молчал.

– Вот что, Алексей Алексеевич, вижу, что тяжело тебе, понимаю, что хочешь ты родных своих увидеть, но ради этого кровь мы проливать не будем, понял? Ты сказал, что вас целая сотня казаков это золото везла сюда. Так это сколько ж вы привезли? Видать, много.

– Сто семьдесят лошадей выучных, кроме верховых, в обозе шло. Много здесь в пещере, очень много золота, и в монете, и в слитках.

– Так давай подождем спокойно, найдут они золото, возьмут, сколь смогут, и уйдут, а мы свое возьмем и тоже уйдем, а? И все живы и довольны. Как считаешь, Алексей Алексеевич?

– И то верно, – вдруг улыбнулся старик. – Пущай найдут и возьмут, сколь смогут, а мы посмотрим, как это у них получится.

– Что ж, на том и порешим, – подвел итог Кольша. – Давайте спать.

Утро выдалось холодным и ветреным. Налетевшие откуда-то облака сплошь закрыли небо и сеяли мелким дождичком, пропитывая все холодной влагой. Начавшись еще затемно, дождь изрядно испортил настроение спавшим без укрытия конвоирам. Наспех сооруженный шалаш не помог. Они насквозь промокли и пытались согреться у костра, который тоже заливало дождем. Медведев, махнув рукой, завернулся в имевшуюся у него плащ-палатку и лежал в шалаше, а Ширшов с Сухаревым в мокрых суконных шинелях сушили у костра, поддерживая огонь. Светало быстро. Ветер усилился и разорвал облака, дав возможность солнышку погреть зябкую землю. Костер разгорелся, и чайник наконец закипел. Кольша наблюдал издали, как конвоиры пили чай, а затем двинулись цепью вверх по склону, как раз в направлении скалы, под которой и был вход в пещеру. Кольша обнаружил его раньше, но внутрь не пошел, боясь нарушить целостность сплошного мха, застелившего всю поверхность земли перед темнеющим входом.

Через полчаса Медведев, вышедший к этому месту, крикнул остальным:

– Идите сюда, я нашел. Вот он, вход в пещеру, о которой Леший говорил. Давненько здесь никого не было, смотрите, мох поднялся, прям как перина. – Медведев убрал наган в кобуру и шагнул к отверстию в скале. За ним в пещеру, жужжа динамо-фонариками, вошли Ширшов и Сухарев.

Кольша и старик подошли ближе и, укрывшись за камнями, стали ждать. Прошло больше часа, из пещеры никто не возвращался. Кольша несколько раз подходил к проему в скале и прислушивался, но ничего не слышал. Прошло еще два часа – никого!

– Они не могли там заблудиться? – спросил Кольша.

– Не знаю, я в пещере не был, но я видел потом, что стало с казаками, которые там побывали. Они походили с ума. Видать, парень, ничего не изменилось. В этой пещере золото нечистая сила охраняет. Не выйдут они обратно, и нам уходить отсель надо.

– Мне про нечистую силу Степан ничего не сказывал. Надо дожидаться, когда они выйдут. Мало ли что случилось, а вдруг там завал какой, и они откапывают выход...

В это время послышался крик, он глухо выкатился из темноты пещерного проема.

– Ты слышал или мне показалось, будто кричал кто?

– Слышал.

– Значит, живы они, выходят, давай немного подале станем, чтоб не заметили.

Старик с Кольшей отошли подальше и затаились. Время тянулось невозможно медленно. От нетерпения Кольше хотелось уже самому пойти в эту пещеру, но Лексеич предупредил его желание своим рассказом. Прошел еще, наверное, час, когда они услышали какой-то шум. Кольша присмотрелся и увидел, как из темного жерла пещеры выползает человек. Это был один из конвоиров, но лица не было видно. Он вылез оттуда наполовину и замер без движения. Несколько минут прошло в полной тишине. Никто больше из пещеры не показался, и тот, который выполз, лежал неподвижно.

– Надо посмотреть, что с ним, – сказал Кольша и, взяв наперевес карабин, отправился к пещере.

Старик молча пошел следом. Когда они подошли, Кольша отдал карабин Лексеичу, а сам вытащил и положил на спину выползшего из пещеры конвоира. Это был Ширшов. Он не дышал, он был мертв. В его открытых глазах и на лице застыл необъяснимый ужас и мольба о помощи.

– Вот таки дела... – проговорил Лексеич, убедившись, что старшина мертв. – Уходить отсель надоть.

Кольша решил осмотреть карманы покойного и вытащил армейскую книжку и удостоверение личности старшины НКВД Ширшова Ивана Самойловича 1914 года рождения. На всякий случай Кольша забрал их.

– Что, и не похороним? – спросил он старика.

Тот, покосившись на вход в пещеру, молча отрицательно качнул головой.

– Уходить отсель надоть, – повторил он.

– Нет, надо похоронить покойного, коль он на свет с того света выполз, – сказал Кольша и, подхватив тело под мышки, потащил вниз по склону к реке.

Лексеич, потоптавшись на месте, взял оставленный Кольшей карабин и пошел следом, что-то бормоча и то и дело оглядываясь.

– Думаешь, остальные выйдут? – остановился отдышаться Кольша.

– Не выйдут, там, верно, покойников много, сама преисподняя, хорошо, что мы туда не пошли...

– Как же ты хотел золото им отдать?

– А я этого и не сулил, я обещал показать, где оно лежит...

– Да, Лексеич, хитер ты, да только вот мне-то золото вправду нужно, говорил же я тебе зачем. Родичей из лагеря выкупить. И что теперь делать?

– Ты, парень, жить хочешь?

– Ясное дело, хочу, – ответил Кольша.

– Вот он тоже хотел и жить, и золота, видишь, чем это закончилось? Что-то в этой пещере людей убивает. Не дает золотом завладеть. Я, как сейчас, помню, с какими глазами тогда еще казаки друг друга резали. Вот с такими же, безумными. А золото из этой пещеры ни один человек не достанет, ты же сам все видел. Трое здоровых мужиков туда ушло, а токо один возвратался, и то мертвый.

– Да, Алексеич, твоя правда. Что делать-то будем?

– Этого похороним, раз уж взялись, и назад пойдём, а что еще делать.

– Дак я-то ладно, а ты-то куда пойдешь, снова в лагерь? И что ты там скажешь, если еще доберешься? У тебя ведь, Алексеич, ни документов, ни денег, ничего нет.

Старик молча слушал, согласно кивая.

– Ладно, я счас за лопаткой схожу, видел у них саперную, закопаем покойника, а потом решим, как тебя спасать, не брошу я тебя, – улыбнулся Кольша.

Когда на берегу Кольша соорудил нечто подобное кресту и поставил на свежую могилу, Алексеич спросил:

– Ты старой веры, что ль?

– Да, старой, истинной веры православной, а как ты узнал? – удивленно ответил Кольша.

– Дак крест ты осмиконечный соорудил, я токо у староверов такие видел, нательные.

– И где ты их видел?

– Дак в лагере, несколько человек вашей веры срок тянут, молятся втихую, особняком держатся, хорошие мужики.

– А фамилии ты не знаешь?

– Нет, Кольша, не знаю, не запоминал, там, Кольша, не до фамилий чужих, там свою бы не забыть.

– А где этот лагерь?

– В тайге, если честно, я толком и не знаю, недолго я там чалился, перевели меня, лагерей там много, одно название Краслаг.

– Ладно, я пока все думал, как тебе помочь. Вот документы этого Ширшова, если тебя побрить, а усы оставить, одежду, что с него сняли, надеть, проскочить поездом до Красноярска, думаю, сможем. А там в тайгу, в деревню к нам, мы далеко от власти всякой живем, глядишь, потом какие документы придумаем, а?

– А ежели задержат нас вместе, тебя за сокрытие беглого тоже в лагерь упекут. Ты про то думал? – поглядел в глаза парня старик.

– Упекут так упекут, а бросить я тебя не брошу. Давай тогда пехом, тайгой в мои края топать. Только далеко это и тоже небезопасно. Ежели на таежной дороге задержат, проверять досконально будут, тут уже эти бумажки не спасут. – Кольша встал и направился к еще дымившемуся кострищу.

Алексей Алексеевич постоял немного и пошел следом.

– Хорошо, Кольша, переоденусь я вертухаем, рискнем. Только заглянуть надо еще в одно место.

– Куда заглянуть?

– Да это здесь, рядом. Понимаешь, когда я тогда охотничал и вернулся к пещере, тут такое было, ужас! Я тогда убежал и спрятался. Потом, через несколько дней, вернулся посмотреть. Надеялся кого-то из своих встретить. Но живых не было, а если и были – ушли. Зато около пещеры на земле нашел рассыпанное золото в монетах, видно, какая-то кладь продырявилась. Я это все собрал и припрятал тогда. Не знал, что меня ждет. Так вот теперь время пришло это забрать, если, конечно, оно на месте. Так что, Кольша, не зря ты сюда добирался, будет тебе доля для родичей твоих.

– Ну, Лексеич, однако ты их перехитрил.

– Ага, перехитрил. Если бы не ты, шлепули бы они меня за милую душу, и все. Или, того хуже, с собой в эту преисподнюю увели...

– Может, и так, – согласился Кольша.

Когда пришли к месту, где Лексеич спрятал почти тридцать лет назад золотые монеты, пришлось изрядно попотеть, прежде чем обнаружить его тайник. Но все было цело: тысячи золотых монет царской чеканки тускло поблескивали в лучах заходившего солнца. Пересчитывать не стали, незачем. Кольша и представить себе не мог стоимость этих денег, поэтому с простым любопытством рассматривал монеты разного достоинства. Лексеич смотрел на него и завидовал – вот чистая душа! Знал бы он, какой кровушки стоили эти царские червонцы. Сколь народу честного полегло ради них...

Все унести они и не смогли бы – более двух пудов золота припрятал старик, – да и не собирались. Взяли по пятьсот монет червонцами, получилось по пять тысяч золотом. Остальное золото опять оставили в укромном месте, там же и карабины спрятали, и двинулись в обратную дорогу.

Через десять дней они были на станции в Иркутске. Алексей Алексеевич, побритый и отмытый в домашней баньке, куда они сходили, познакомившись в пригороде с инвалидом войны, выглядел почти как Ширшов на фотке в удостоверении. На вокзале кассирша выдала билет, особо не глядя в лицо энквэдэшника. Кольша, по настоянию старика, покупал билет отдельно, но в тот же вагон. Решили ехать особо не общаясь, но и не терять друг друга из виду. В случае чего – незнакомы, просто попутчики. Лексеич согласился пока пожить в тайге с Кольшей, поскольку до Франции из этих мест ему было добираться как до луны. А туда, в солнечный Лион, где, как он был уверен, до сих пор ждала его жена, он очень хотел. Здоровье, подорванное в лагерях, все чаще давало о себе знать. Уже не раз он останавливался в тайге, когда сердце замирало в груди и нечем становилось дышать. Но он готов был идти хоть пешком через границу с Китаем, а потом тем же путем, как после Гражданской войны, в Европу. Хотел, но, понимая, что сейчас он просто физически не выдержит, согласился с Кольшей. Тот рассудил по-своему, но верно: сначала надо просто выжить, уцелеть, а потом уже и дальше подумать, как и что...

Благополучно добравшись до Красноярска, вышли из города на Енисейский тракт в надежде на то, что смогут уехать дальше попутными машинами. Немного устав, присели под раскидистую ель на обочине дороги и уже собрались было перекусить, как услышали шум мотора. Грузовик, не доезжая их, вышедших к обочине, резко ударил по тормозам, и из кузова выпрыгнул сначала один, а за ним еще несколько сотрудников милиции. Кольша и Лексеич совсем не ожидали такого оборота.

– Так, граждане, стоять на месте! Предъявите документы! – еще издали крикнул им подхитивший офицер.

– А что случилось? – спросил Кольша, предъявляя справку о демобилизации и военный билет.

– Ээки сбежали из лагеря! Вы тут никого не видели? – прочитав документы и внимательно сверив Кольшино лицо с фотографией, ответил офицер.

– Нет, – сказал Кольша.

Офицер подал ему документы и повернулся к Лексеичу. Тот стоял без кровинки в лице.

– Документы, старшина! Ты что, оглох?

Старик вдруг охнул и повалился набок. Кольша успел подхватить его и не дал упасть, осторожно уложил на землю.

– Что с ним?

– Не знаю, товарищ старший лейтенант.

– Кто он тебе?

– Никто, попутчик... – ответил Кольша.

– А ну, достань его документы.

– Ему плохо, он задыхается, нужна помощь! – закричал Кольша, пытаясь расстегнуть шинель и гимнастерку надрывно хрипевшего старика.

Офицер нервно оглянулся, махнул рукой и побежал к своим сотрудникам.

– Кольша, – еле слышно прошептал Лексеич, – забери там, в мешке... Уходи, оставь меня...

– Нет, держись, сейчас я помогу, – говорил Кольша, пытаясь приподнять над землей запрокидывающуюся голову старика.

Офицер вернулся с сержантом.

– Посмотри, что с ним? – приказал он сержанту.

Кольша отошел в сторону, почувствовав, что Лексеич простился с жизнью.

Сержант склонился над стариком, приложил пальцы к шее.

– Все, помер старшина, наверное, приступ сердечный, без вскрытия точно не скажешь.

– Грузите его в машину – и в покойницкую. А где парень, здесь был? Вот едрена корень, надо было его как свидетеля допросить.

Кольша в это время, прихватив мешок Лексеича, что есть сил бежал перелеском в сторону от дороги. Так Кольша стал, наверное, самым богатым на берегах Енисея человеком, но он об этом даже не думал. Не до того – нужно было скрыться от милиции, не дай бог, обыщут. Вот тогда будет совсем плохо. Тогда все напрасно, и смерть Лексеича в том числе. Старик испустил дух у него на руках. Сердце не разрывалось от жалости, Кольша уже привык к потерям. Ему было просто больно осознавать, что из его жизни ушел еще один хороший человек, к которому он успел привыкнуть и которому доверял.

Часа через два Кольша уже сидел на берегу Енисея и наблюдал, как небольшие баржи, с какими-то товарами, спускаются вниз по реке. Он решил пройти берегом до ближайшего селения, купить там лодку, чтобы сплавом дойти до деревни, где его ждала Варвара. Последнее время он каждый день думал о своей невесте. Вспоминал ее губы и глаза, ее объятия, и ему становилось тепло на душе. Кольше хотелось быть с ней, он устал быть один. Возможно, это была минутная слабость, но он все чаще думал о том, что хочет ее забрать прямо сейчас и увезти с собой. Но это было неправильно, не по традициям, он понимал это. Надо было строить дом, теперь у него были деньги. Но на эти деньги, к сожалению, ничего не купишь. Не в ходу в Советском Союзе царские червонцы. Об этом он знал, а вот как их поменять на советские рубли, Кольша не знал, и в этом была большая проблема. Целый мешок золотых монет, а буханку хлеба не купить, тем более хлеб в том селе, куда он вышел берегом Енисея, вообще не продавался. Хлебушек был по карточкам, а карточек у Кольши и подавно не было. Их выдавали по месту жительства, в сельсовете, а у Кольши ни места жительства, ни сельсовета, только голова да ноги и золотых червонцев тысяча монет... Что делать? Кольша уже пожалел, что оставил в тайге лук, не раз по дороге на тетеревов выходил, была бы добыча. Но снятые со стрел наконечники бесполезно позвякивали в кармане, а голод уже давно поселился в его животе, в его сознании. Чувства обострились, и, проходя деревенской улицей, он слышал запахи еды из домов. Вот в этом картошку жарят, а из того даже мясным бульоном несет. Кольша ускорил шаг и уже выходил за околицу, когда увидел пожилую женщину, несущую из леса большую охапку хвороста. Ей было тяжело, она медленно переставляла явно опухшие ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.